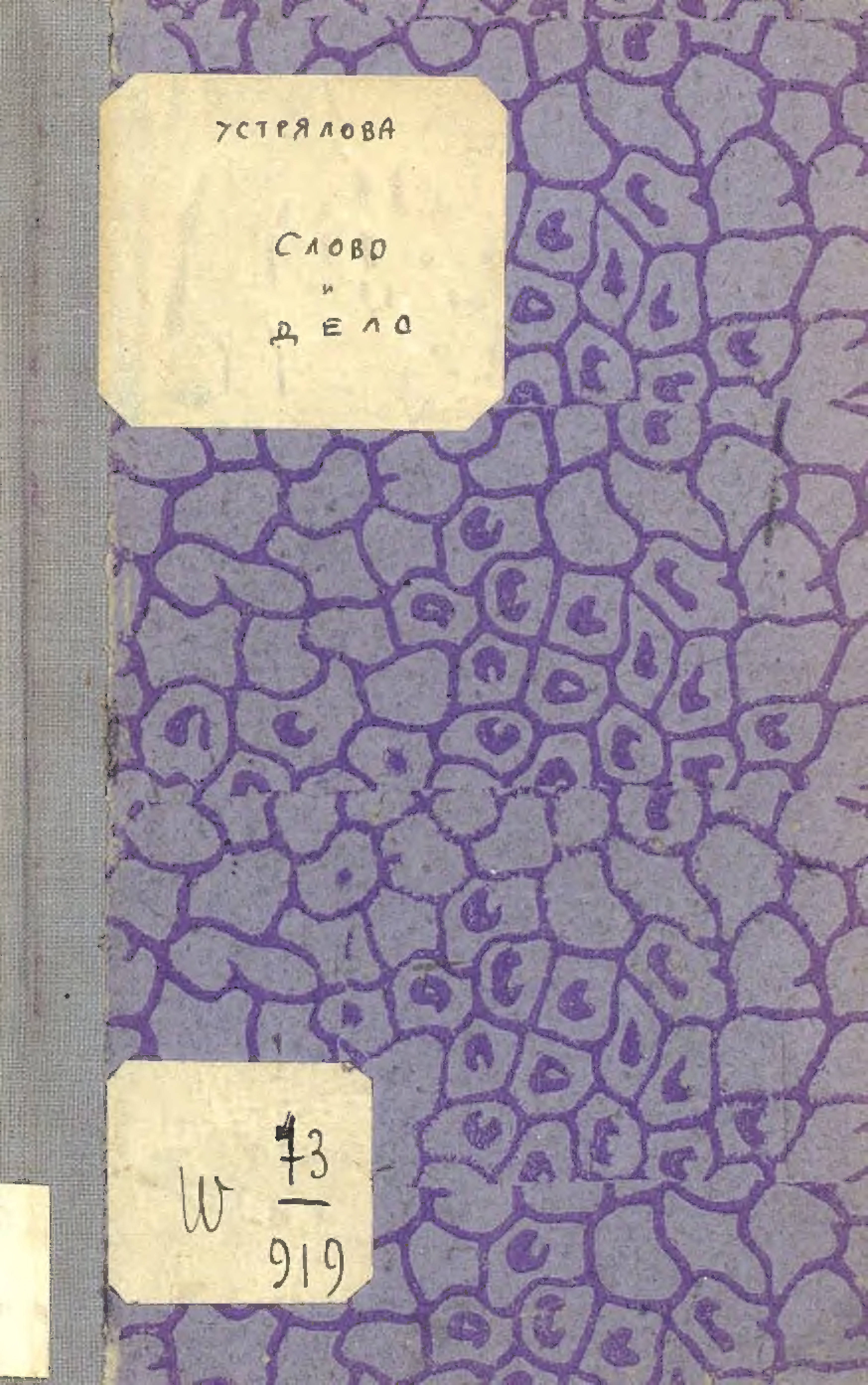

Устрялова
Слово
и
дело
Ш
73
919

СЛОВО И ДѢЛО.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

Ѳ. Н. УСТРЯЛОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

СЛОВО И ДѢЛО.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

Ѳ. Н. Устрялова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ. 20 Ноября 1862 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

Въ Типографіи II-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Лизавета Осиповна Мартова.
Надежда Николаевна, ея дочь.
Анна Осиповна Рѣпина, ея тетка.
Петръ Андреевичъ Лавинскій.
Иванъ Михайловичъ Вертяевъ.
Борисъ Антоновичъ Бродко.
Лушинъ.
Ѳома, лакей Лавинскаго.
Слуга Мартовой.
Гости.

Первыя дѣйствія въ Петербургѣ, послѣднее въ Гейдельбергѣ.

СЛОВО И ДѢЛО.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

Ѳ. Н. Устрялова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Кабинетъ Лавинскаго. Направо письменный столъ, заваленный книгами, и большое кресло. Налѣво кушетка. На окнахъ штофныя занавѣски. Направо дверь. Утро.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛАВИНСКІЙ (*выходитъ изъ боковой двери, въ вицъ-мундирѣ, съ портфелемъ подъ мышкою, шляпою на головѣ, и надѣваетъ перчатки. Смотря на стѣнные часы*). Половина перваго. Опять проспалъ!.. Развѣ остаться дома? Нѣтъ, неловко. И то поздно прихожу въ департаментъ; опять начальникъ отдѣленія замѣ-

титъ... Ну, хорошо;—положимъ, пойду. А потомъ что? Послѣ службы, надо взять билетъ на балъ въ дворянское собраніе, — тамъ будетъ Наденька. Во вторыхъ, зайдти къ Лушину; въ третьихъ... *(слышенъ звонокъ)* Кто бы это былъ?... Въ третьихъ, зайдти къ Мартовымъ и спросить, въ которомъ часу онѣ поѣдутъ... Только скверно, что придешь во время обѣда; развѣ... *(снова звонокъ)* Ѳома! Чортъ знаетъ, гдѣ онъ сидитъ! Ѳома!..

ЯВЛЕНІЕ II.

ЛАВИНСКІЙ, ѲОМА *(въ передникѣ, заспанный и съ кирпичемъ въ рукѣ).*

ЛАВИНСКІЙ.

Гдѣ ты шляешься? Два раза звонили. . .

ѲОМА.

Я, сударь, самоваръ чистилъ, не слыхалъ. . . Надо будетъ изъ передней колокольчикъ провести въ кухню,—совсѣмъ не слыхать. . .

ЛАВИНСКІЙ.

Хорошо, хорошо. Ты сперва отвори дверь, а потомъ говори.

ѲОМА.

Сейчасъ, сударь.—Что прикажете сказать?

ЛАВИНСКІЙ.

Скажи, что дома нѣтъ. Нечего толковать, когда па службу пора. . . *(звонокъ)* Иди же! *(Ѳома уходитъ)* Хотѣлось бы дома остаться. . . До сихъ поръ не кончилъ повѣсти. . . А теперь заняться хорошо бы.

ѲОМА *(возвращается).*

Я говорилъ, что дома нѣтъ, да они говорятъ, что подождутъ въ кабинетѣ.

ЛАВИНСКІЙ.

Ты спрашивалъ фамилію?

ѲОМА.

Спрашивалъ.

ЛАВИНСКІЙ.

Ну?

ѲОМА.

Господинъ Хватаевъ.

ЛАВИНСКІЙ.

И не слыхалъ про такого! . . Скажи. . . Да ты, вѣрно, переврадъ?

ѲОМА.

Никакъ нѣтъ-съ.

ЛАВИНСКІЙ.

Вижу, что переврадъ. Спроси еще разъ хорошенько. . .

ѲОМА.

Да помилуйте. . .

ЯВЛЕНІЕ III.

ЛАВИНСКІЙ, ѲОМА, ВЕРТЯЕВЪ *(съ бородой, въ толстыхъ замшевыхъ перчаткахъ, волосы зачесаны назадъ. На немъ старомодный сюртукъ, узкіе панталоны, большіе сапоги. Говоритъ и смѣется громко).*

ВЕРТЯЕВЪ.

Такъ и зналъ, что дома! . . и, думаю, только что всталъ. . . Сибаритъ, сибаритъ! . . *(подходитъ къ нему, жметъ крѣпко руку и смотритъ въ глаза).*

ЛАВИНСКІЙ.

Вертяевъ! здравствуй, дружище! . . Какъ я радъ! какъ давно не видались! Цѣлыхъ два года. . .

ВЕРТЯЕВЪ.

Давно, Петя, давно! А я къ тебѣ на цѣлый день...

ЛАВИНСКІЙ.

Я очень радъ. . . Мы съ тобой вмѣстѣ пообѣдаемъ, а часовъ въ семь я отправлюсь. . . извини, мнѣ необходимо. . .

ВЕРТЯЕВЪ.

И отлично! А я, братъ, съ шести часовъ на ногахъ.

ЛАВИНСКІЙ *(Θомѣ).*

Ты, господинъ Хватаевъ, принеси—ка завтракъ. Я сейчасъ вернусь,—надѣну только сюртукъ. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВЕРТЯЕВЪ, ΘОМА.

ВЕРТЯЕВЪ.

Какъ же ты, братецъ, не хотѣлъ меня впустить, а? вѣдь мы съ твоимъ бариномъ старые товарищи, вмѣстѣ въ университетѣ были.

ΘОМА *(стыдливо).*

Я не зналъ, сударь, что вы арситетскіе. . . А то я бы съ удовольствіемъ. . . Какъ можно съ! . .

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже, **ЛАВИНСКІЙ** *(въ сюртукѣ).*

ЛАВИНСКІЙ *(Θомѣ).*

Что жъ завтракъ? *(Θома уходитъ).* Ну, садись, дружище, бери папиросу,—ты вѣдь сигаръ не куришь,—и разсказывай, что ты дѣлалъ, гдѣ былъ, куда тебя занесло?

ВЕРТЯЕВЪ.

Я, братецъ, жилъ все время въ Тамбовской губерніи, на мыловаренномъ заводѣ, управляющій я

былъ хоть куда, жалованье получалъ отличное, дѣло шло какъ по маслу. . . только, подъ конецъ, надоѣло жестоко. Надо идти дальше. Деньжонокъ отъ жалованья я накопилъ довольно, и теперь только и думаю, какъ бы удрать за границу, годика на два. Ты знаешь, что химія была моя страсть и въ университетѣ: заведу себѣ маленькую лабораторію и засяду въ ней, какъ кротъ въ норкѣ. Впрочемъ я все тотъ же, что и прежде,—тотъ же Вертяевъ, съ которымъ, помнишь, ты не разъ спорилъ до хрипоты. Нѣтъ, ты мнѣ скажи про себя: ты, я вижу, поздоровѣлъ, потолстѣлъ и, вѣроятно, облѣнился. Что ты дѣлаешь?

ЛАВИНСКІЙ.

Во первыхъ, служу.

ВЕРТЯЕВЪ.

Я и позабылъ, что на тебѣ былъ вицъ-мундиръ. Служишь?—для чего?

ЛАВИНСКІЙ.

Какъ для чего? чтобъ приносить, по возможности, пользу.

ВЕРТЯЕВЪ.

Видно, университетское еще не отстало! Я увѣренъ, что ты службой тяготишься, честолюбія у

тебя нѣтъ, въ деньгахъ не нуждаешься. Слѣдовательно, ты служишь по принципу. Но такіе люди, какъ ты, мой милый, для службы не годятся. Въ тебѣ нѣтъ, да я думаю и не будетъ, ни закалу, ни выдержки, ни охоты. Лучше займись другимъ, чѣмъ попусту тратить время. Это будетъ полезнѣе.

ЛАВИНСКІЙ.

Чѣмъ же?

ВЕРТЯЕВЪ.

Пиши, у тебя есть способность.

ЛАВИНСКІЙ.

Я и то пишу.

ВЕРТЯЕВЪ.

Какъ же я ничего не читалъ твоего?

ЛАВИНСКІЙ *(съ запинкой).*

Я еще не отдавалъ въ печать.

ВЕРТЯЕВЪ.

Да есть ли у тебя что отдавать?

ЛАВИНСКІЙ *(улыбаясь).*

Правда, что немного.... т. е. написано немного. А плановъ у меня довольно. Теперь оканчиваю повѣсть.

ВЕРТЯЕВЪ.

А ты ее началъ?

ЛАВИНСКІЙ.

И-да...

ВЕРТЯЕВЪ (*садясь на кушетку и разваливаясь*).

Такъ то вы всѣ идеалисты! А помнишь, какъ все толковалъ о долгѣ, да о святости труда? Вѣдь тебѣ ужъ двадцать семь лѣтъ, если не ошибаюсь. Чтожъ ты сдѣлалъ? все думалъ? Мы, такъ называемые скептики да матеріялисты, умѣемъ хоть мыло варить,—и то хорошо.

ЛАВИНСКІЙ.

Я и не думаю забывать того, что говорилъ. Только мнѣ надо подготовиться, выбрать дорогу.

ВЕРТЯЕВЪ.

Нѣтъ, братъ, слишкомъ много въ тебѣ энциклопедичности. Вотъ что! Надо быть строже къ самому себѣ: взялся за одно, не бросайся на другое.

ЛАВИНСКІЙ.

Ты судишь по себѣ... (*Ѳома приноситъ завтракъ*) Милости просимъ.

ВЕРТЯЕВЪ (*подходитъ къ столу садится и ѣстъ*).

Знаешь что, Петя?

ЛАВИНСКІЙ.

Что?

ВЕРТЯЕВЪ.

Я вѣдь думалъ найдти тебя не одного.

ЛАВИНСКІЙ.

Какъ такъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Такъ... Я думалъ, что ты женатъ, и удивляюсь, какъ ты до сихъ поръ не женился! Это должно очень идти къ тебѣ и совершенно въ твоихъ правилахъ.

ЛАВИНСКІЙ.

Можетъ быть, это и пошло бы ко мнѣ, только, какъ видишь, я еще не женатъ. Между прочимъ, что ты напалъ на эту рыбу? Попробуй котлетъ.

ВЕРТЯЕВЪ.

Все равно, что ни ѣсть. Я такая же акула, какъ и прежде. Гмъ! такъ ты не женатъ? А жаль. Хотѣлось бы посмотрѣть на тебя съ женою.

ЛАВИНСКІЙ.

Я не вижу тутъ ничего любопытнаго. Ты вѣдь говоришь такимъ сатирическимъ тономъ о женитьбѣ, любви и т. п. изъ желанія оригинальничать...

ВЕРТЯЕВЪ.

Совсѣмъ нѣтъ. Ты знаешь мой взглядъ на жизнь: я вѣрю въ то, что знаю, признаю то, что вижу, и уважаю то, что приноситъ пользу. До прочаго мнѣ нѣтъ дѣла. Всѣ эти идеалы да мечтанья, сладость и нѣга—не по моей части, во первыхъ потому, что это значитъ только тѣшить самого себя и играть кукольную комедію, а во вторыхъ, это бы и не пристало къ моей физіономіи ...

ЛАВИНСКІЙ.

Отчего же? ты совсѣмъ не такъ дуренъ, какъ думаешь. Надѣнь порядочный сюртукъ, остриги бороду, не носи такихъ жестокихъ сапоговъ...

ВЕРТЯЕВЪ *(смотря на сапоги)*.

Я, братъ, за эти сапоги заплатилъ десять рублей и ношу цѣлый годъ... Какъ новые!.. а свои ты проносишь мѣсяца четыре, и баста!.. Но не объ этомъ рѣчь. Я говорю, что чувство блажь, которую напускаютъ на себя люди отъ бездѣлья. Я понимаю, напримѣръ, что можно заниматься женщиною и даже любить ее, но опять таки любить не въ смыслѣ любви, не такъ какъ вы понимаете, а любить, какъ свое созданіе, какъ авторъ любитъ свое произведеніе, въ которомъ осуществилъ свои за-

вѣтные планы или такъ называемые идеалы. Но такъ какъ женщина смотритъ почти исключительно на чувство, то мнѣ и становится смѣшно, когда я вижу людей, принимающихъ мелкую монету за слитокъ золота.

ЛАВИНСКІЙ.

Значитъ, ты никогда не женишься?

ВЕРТЯЕВЪ.

Никогда.

ЛАВИНСКІЙ.

Изъ убѣжденія или упрямства?

ВЕРТЯЕВЪ.

Я не на столько глупъ, чтобъ быть упрямымъ, а убѣжденія здѣсь совсѣмъ не надо. Я просто думаю, что съ моими требованіями никогда не встрѣчу женщины, которая бы мнѣ понравилась, а если бы и встрѣтилъ, то она сама ни за что не пошла бы за меня.

ЛАВИНСКІЙ.

Если бъ ты даже въ нее влюбился?

ВЕРТЯЕВЪ.

Опять влюбился! понимаешь ли ты, что я не влюблюсь! Чортъ знаетъ! и слово такое глупое!

влюбляются школьники да институтки. Разсудокъ и чувство исключаютъ другъ друга. При нормальной дѣятельности разсудка, чувство не можетъ существовать.

ЛАВИНСКІЙ.

Хорошо. Ты говоришь, что нѣтъ разумнаго чувства. О женщинахъ мы кончимъ. Ну, а наши отношенія,—что это такое? Между нами существуетъ дружба и я увѣренъ, что лучше тебя у меня не было и не будетъ друга. А вѣдь это тоже чувство?

ВЕРТЯЕВЪ.

Во первыхъ, я тебя не люблю, а во вторыхъ мы совсѣмъ не друзья.

ЛАВИНСКІЙ.

Однако твои дѣла доказываютъ совсѣмъ другое. Помнишь, когда я былъ въ горячкѣ, ты сидѣлъ у моей постели полторы недѣли—день и ночь? помнишь, какъ ты помогалъ мнѣ въ университетѣ, писалъ лекціи и былъ, въ нѣкоторомъ родѣ, менторомъ, хотя, какъ менторъ, частенько ругался? Изъ чего все это?

ВЕРТЯЕВЪ.

Изъ того, что я видѣлъ въ тебѣ человѣка. Ты вотъ полежи еще годикъ другой на диванѣ, да рас-

толстѣй и расплывись отъ лѣни, такъ я къ тебѣ ни ногой! И чортъ съ тобой! Станешь дрянью—дряни мнѣ не надо, и безъ того ея довольно на бѣломъ свѣтѣ. Впрочемъ изъ нашего разговора я могу вывести одно заключеніе,—ты знаешь, что я безъ этого никогда не оканчиваю.

ЛАВИНСКІЙ.

Какое? интересно знать.

ВЕРТЯЕВЪ.

Если ты до сихъ поръ не женился, то женишься очень скоро.

ЛАВИНСКІЙ (*живо*).

Это отчего?

ВЕРТЯЕВЪ.

Такъ. Въ воздухѣ что-то женитьбой пахнетъ!

ЛАВИНСКІЙ (*смѣшавшись*).

Вотъ вздоръ!..Ну, а чтожъ ты ничего не спросишь о прежнихъ знакомыхъ и товарищахъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

О какихъ? твоихъ или моихъ?

ЛАВИНСКІЙ.

Нашихъ.

ВЕРТЯЕВЪ.

Наши знакомые меня не интересуютъ. Ради курьоза, можно спросить о Лушинѣ, да и тотъ, я думаю, сталъ уродомъ.

ЛАВИНСКІЙ.

Нимъ онъ совсѣмъ не кажется уродомъ, напротивъ.

ВЕРТЯЕВЪ.

Это онъ самъ такъ говорилъ или ты слышалъ?

ЛАВИНСКІЙ *(смѣясь)*.

Слышалъ, но признаюсь, больше отъ него.

ВЕРТЯЕВЪ.

Больше мнѣ и не надо. Разоврался, значитъ, такъ, что и не удержишь... *(слышенъ звонокъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже, ѲОМА *(бѣжитъ съ тѣмъ же кирпичомъ)*.

ЛАВИНСКІЙ.

Ты будешь сегодня цѣлый день съ кирпичомъ?

ѲОМА.

Помилуйте, сударь, замки у дверей чищу! Вы бы приказали колокольчикъ провести въ кухню, а то...

ЛАВИНСКІЙ.

Слышалъ, слышалъ. Оставь кирпичъ то!.. *(Ѳома бѣжитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЛАВИНСКІЙ, ВЕРТЯЕВЪ, БРОДКО *(одѣтъ щегольски, по утреннему. Черные бакенбарды, лицо очень спокойное, неподвижное. Вообще держитъ себя джентльменомъ, хотя и замѣтна аффектація).*

БРОДКО.

Извините меня, добрѣйшій Петръ Андреичъ, что я васъ потревожилъ... *(Ѳома убираетъ завтракъ).*

ЛАВИНСКІЙ.

Очень радъ васъ видѣть...Мы здѣсь бесѣдуемъ, какъ старинные товарищи... *(представляя одного другому)* Иванъ Михайловичъ Вертяевъ. Борисъ Антоновичъ Бродко.

ВЕРТЯЕВЪ *(неловко кланяясь).*

Здравствуйте.

БРОДКО.

Очень пріятно познакомиться. Скажите, Петръ Андреевичъ, вы будете сегодня въ дворянскомъ собраніи? Тамъ и Наденька хотѣла быть.

ЛАВИНСКІЙ *(съ удареніемъ).*

Какая Наденька?

БРОДКО.

Наденька Мартова.

ЛАВИНСКІЙ.

Надежда Николаевна мнѣ говорила, что она будетъ.

БРОДКО *(съ усмѣшкой)*.

А!..Вы не знаете, съ кѣмъ Надежда Николаевна танцуетъ мазурку?

ЛАВИНСКІЙ.

А что? развѣ вы хотите танцовать? вѣдь вы, кажется, танцуете только въ особенныхъ случаяхъ...

БРОДКО.

Мнѣ надо ей кое что сообщить, а мазурка самое удобное средство...

ЛАВИНСКІЙ.

Вотъ какъ! у васъ дѣло дошло и до секретовъ!

БРОДКО.

Что ужъ тутъ удивительнаго? Надежда Николавна настолько умна, что ея секреты могутъ интересовать.

ВЕРТЯЕВЪ.

А позвольте узнать, сколько ей лѣтъ?

БРОДКО.

Кому?

ВЕРТЯЕВЪ.

Госпожѣ Мартовой.

БРОДКО.

Матери или дочери?

ВЕРТЯЕВЪ.

Вы говорите, вѣроятно, о дочери...впрочемъ, можетъ быть, и мать, чего добраго, танцуетъ...Я говорю про дочь.

БРОДКО.

Лѣтъ восемнадцать, девятнадцать...

ВЕРТЯЕВЪ.

Ну такъ нельзя сказать, что она умна.

БРОДКО *(съ усмѣшкою).*

Это отчего?

ВЕРТЯЕВЪ.

Гдѣ жъ ей найдти время быть умной! Въ четырнадцать лѣтъ она училась, въ пятнадцать хотѣла быть большой, въ шестнадцать читала стихи, въ семнадцать смотрѣла на луну, въ восемнадцать го-

ворила о любви, а въ девятнадцать танцуетъ мазурку...

БРОДКО.

Это можетъ быть и оригинально, только не совсѣмъ справедливо. По вашему, чѣмъ старше дѣвушка, тѣмъ она умнѣе?

ВЕРТЯЕВЪ.

Нѣтъ-съ, молодую дѣвушку нельзя назвать умной, потому что ей некогда было выказать ума. Иная въ тридцать лѣтъ гораздо глупѣе девятнадцатилѣтней, но надъ той приговоръ можетъ быть произнесенъ безъ апелляціи, а въ девятнадцать лѣтъ дѣвушка только расположена быть умной или ужъ совсѣмъ глупа.

БРОДКО.

Когда же можно рѣшить, умна дѣвушка или нѣтъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Когда выйдетъ замужъ или останется старой дѣвой.

ЛАВИНСКІЙ.

Оставьте его, Борисъ Антоновичъ! Вы его еще не знаете: онъ будетъ говорить двое сутокъ безъ отдыха, да и тогда не умается... *(Вертяевъ садится на кресло у стола, перебираетъ книги и, отъ нечего дѣлать, начинаетъ читать).*

БРОДКО *(подходя къ Лавинскому, въ полголоса).*

Я сегодня хотѣлъ поговорить съ вами объ одной вещи, которая меня очень интересуетъ. Жаль, что мы не одни...Здѣсь нѣтъ никакой тайны, но все таки...

ЛАВИНСКІЙ *(также въ полголоса).*

Вы думаете, онъ слышитъ?..Будьте спокойны Онъ набросился на журналы, а когда читаетъ, то ничего не видитъ и не слышитъ...Такая ужъ привычка! Впрочемъ сядемте тамъ *(показываетъ на другой конецъ сцены)*; оно и удобнѣе, и дальше...*(Садятся. Громко).* Вертяевъ, ты что читаешь?

ВЕРТЯЕВЪ *(не отрывая глазъ отъ книги, махаетъ рукой).*

ЛАВИНСКІЙ.

Видите?... Чтоже вы хотѣли мнѣ сказать?

БРОДКО.

Вотъ въ чемъ дѣло. Мы познакомились съ вами въ домѣ Мартовыхъ,—кажется, около года тому назадъ. Вы приняты въ ихъ семействѣ какъ родной. Я знаю, что на ваше мнѣніе можно положиться. Надеждѣ Николаевнѣ представляется блестящая партія, человѣкъ, который ею интересуется, во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ, какого рѣдко

можно встрѣтить. Онъ очень близокъ ко мнѣ и я принимаю въ немъ такое участіе, какъ въ самомъ себѣ. Теперь спрашивается, можетъ ли Надежда Николавна составить его счастіе? Я обращаюсь именно къ вамъ, такъ какъ вы могли очень хорошо ее узнать, и надѣюсь, мой вопросъ не покажется вамъ неумѣстнымъ. Скажите откровенно, какого вы о ней мнѣнія?..Вамъ нѣтъ причины скрывать его.

ЛАВИНСКІЙ *(смутившись).*

Признаюсь, я нѣсколько удивленъ вашимъ вопросомъ.... я не знаю, къ чему можетъ вамъ послужить мое мнѣніе. Впрочемъ, какъ вы сказали, у меня дѣйствительно нѣтъ причины скрывать его. Мнѣ кажется, что главная черта въ характерѣ Надежды Николавны—необыкновенная честность. Она, въ этомъ отношеніи, пуританка. Эта дѣвушка готова, по моему мнѣнію, простить все, что угодно, кромѣ низости. Оттого она не ослѣпляется внѣшними достоинствами однихъ и не отталкивается внѣшними недостатками другихъ. Она еще очень молода и, разумѣется, мало знаетъ, жизнь. Но на нее правда дѣйствуетъ всегда неотразимо и правду она ставитъ выше всего.... *(Вертяевъ перестаетъ читать, сидитъ нѣсколько времени задумавшись, потомъ начинаетъ невольно прислушиваться. Они его не замѣчаютъ)* Я говорю только объ одной сторонѣ харак-

тера Надежды Николавны. У ней есть и недостатки, безъ которыхъ, разумѣется, нельзя обойтись: увлеченіе, небольшая кокетливость, иногда насмѣшливость... Но одно другому не мѣшаетъ.

БРОДКО.

И вы думаете, она можетъ сдѣлать счастливымъ человѣка, за котораго выйдетъ замужъ?

ЛАВИНСКІЙ.

Да, если полюбитъ его. Впрочемъ, Борисъ Антоцычъ, я не совѣтую вашему знакомому дѣлать теперь предложеніе...

БРОДКО *(живо)*.

Т. е. какъ не совѣтуете?

ЛАВИНСКІЙ.

Я говорилъ съ вами откровенно,—вы спрашивали, я отвѣчалъ. Но далѣе идти, мнѣ кажется, было бы напрасно. Почему я такъ совѣтую—это вы узнаете въ очень скоромъ времени, можетъ быть даже завтра... Я полагаю, что мой совѣтъ непремѣнно оправдается.

БРОДКО *(въ сторону)*.

Я узналъ все, что надо!.. Придется прибѣгнуть къ другому средству.

ВЕРТЯЕВЪ.

Петя, у тебя есть другіе журналы?

ЛАВИНСКІЙ.

Есть. Развѣ этотъ ты ужъ прочелъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Нѣтъ, я возьму къ себѣ домой. Давно ужъ не читалъ. Въ глуши, на заводѣ, не такъ то прилежно читаешь.

БРОДКО.

Вы не служите, Mr. Вертяевъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Нѣтъ, господинъ Бродко. А вы?

ЛАВИНСКІЙ.

Борисъ Антонычъ образцовый чиновникъ; онъ еще недавно получилъ повышеніе.

ВЕРТЯЕВЪ.

Я такъ и думалъ.

БРОДКО *(довольно рѣзко).*

Можно узнать, отчего вы такъ думали?

ВЕРТЯЕВЪ.

Можно. Оттого что вы вполнѣ современный человѣкъ.

БРОДКО *(насмѣшливо).*

Такъ чтожъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Помилуйте, вѣдь всѣмъ извѣстно, что современный человѣкъ обладаетъ удивительными способностями и все сдѣлаетъ отлично... Дѣло такъ и кипитъ. Какъ же ему не быть образцовымъ чиновникомъ!

БРОДКО.

А развѣ вы не современный человѣкъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Нѣтъ-съ. Я просто химикъ, мыло варю.

БРОДКО *(смотритъ на него, потомъ подходитъ къ Лавинскому).*

До свиданія, добрѣйшій Петръ Андреичъ.. Надѣюсь увидѣться съ вами на балу?

ЛАВИНСКІЙ.

Непремѣнно, непремѣнно... *(провожаетъ его).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ВЕРТЯЕВЪ.

Не нравится мнѣ этотъ господинъ Бродко! Петя слишкомъ довѣрчивъ и видитъ во всемъ только одну хорошую сторону... Досадно, что я пріѣхалъ, кажется, къ развязкѣ. Должно быть, Петя...

ЯВЛЕНІЕ IX.

ВЕРТЯЕВЪ, ЛАВИНСКІЙ *(входитъ задумавшись).*

ВЕРТЯЕВЪ *(смотритъ на него, потомъ подходитъ и хлопаетъ по плечу).*

А вѣдь ты, Петя, проврался!

ЛАВИНСКІЙ *(очнувшись).*

Какъ проврался?

ВЕРТЯЕВЪ.

Насчетъ совѣта то.

ЛАВИНСКІЙ *(съ небольшимъ замѣшательствомъ).*

Развѣ ты слышалъ? вѣдь ты читалъ...

ВЕРТЯЕВЪ.

Такъ это тайна? Въ такомъ случаѣ, надо было идти въ другую комнату, а не говорить передъ носомъ... По неволѣ слышишь.

ЛАВИНСКІЙ.

Совсѣмъ не тайна. Только я думалъ... Впрочемъ, чтожъ это значитъ—проврался?

ВЕРТЯЕВЪ.

Этотъ господинъ тебя надуваетъ. Онъ пріѣхалъ за тѣмъ, чтобы вывѣдать кое что отъ тебя. И при

томъ странно: съ какой стати узнавать твое мнѣніе объ этой Наденькѣ, Катенькѣ что ли?.. Тутъ что нибудь да не такъ...

ЛАВИНСКІЙ.

Я самъ тоже думаю.

ВЕРТЯЕВЪ.

А что она богата?

ЛАВИНСКІЙ.

Богата.

ВЕРТЯЕВЪ.

И ты ее любишь?

ЛАВИНСКІЙ.

Люблю.

ВЕРТЯЕВЪ.

Предложеніе дѣлалъ?

ЛАВИНСКІЙ.

Дѣлалъ,—и завтра будетъ, всѣмъ объявлено...

ВЕРТЯЕВЪ.

Она тебя любитъ?

ЛАВИНСКІЙ.

Я думаю.

ВЕРТЯЕВЪ.

Т. е. какъ думаешь,—она тебѣ сказала или ты только полагаешь?

ЛАВИНСКІЙ.

Ей не противна мысль выдти за меня замужъ.

ВЕРТЯЕВЪ.

Скромность въ молодомъ человѣкѣ похвальна! Теперь очень понятно: Бродко самъ имѣетъ намѣреніе на ней жениться, но прежде хотѣлъ разузнать твои планы... Теперь онъ добился своей цѣли.

ЛАВИНСКІЙ.

Ты полагаешь, онъ влюбленъ?..

ВЕРТЯЕВЪ.

Если она такая, какъ ты ее описалъ, то тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. А что влюбленъ въ деньги, — такъ это навѣрное. Но послушай: ты совсѣмъ рѣшился?

ЛАВИНСКІЙ.

Я тебѣ сказалъ, что люблю ее и давно ужъ объ этомъ думаю.

ВЕРТЯЕВЪ.

И хорошо обдумалъ? Это не вспышка, не игра воображенія? Это дѣйствительно то, что вы называете любовью?

ЛАВИНСКІЙ.

То самое... Я не могу безъ нея жить. Нынче

осенью я уѣзжалъ на два мѣсяца въ деревню... Хотѣлъ попробовать, не забуду ли ее хоть немножко...

ВЕРТЯЕВЪ.

И не забылъ?

ЛАВИНСКІЙ.

И воротился влюбленнѣе прежняго. Послушай, Вертяевъ, ты знаешь, я не охотникъ до изліяній и не хочу тебѣ навязывать смѣшной роли повѣреннаго: но, клянусь тебѣ честью, если она не выйдетъ за меня замужъ,—мнѣ кажется, я умру . . . Я не прибѣгну къ самоубійству, потому что это глупо, но мнѣ будетъ скучно жить на свѣтѣ,—я буду лишній.

ВЕРТЯЕВЪ.

Въ такомъ случаѣ, женись поскорѣй.

ЛАВИНСКІЙ.

А что?

ВЕРТЯЕВЪ.

Бродко можетъ сдѣлать скверную штуку. Берегись!

ЛАВИНСКІЙ.

Будто онъ способенъ на низость?

ВЕРТЯЕВЪ.

Не только способенъ, но и сдѣлаетъ ее съ полнѣйшимъ удовольствіемъ.

ЛАВИНСКІЙ.

Ты его не знаешь! какъ можно такъ говорить о человѣкѣ, совершенно незнакомомъ!

ВЕРТЯЕВЪ.

Я его разсмотрѣлъ. У него глаза недобрые.

ЛАВИНСКІЙ.

Какой вздоръ! только бы она любила меня . . . тогда мнѣ нечего бояться.

ВЕРТЯЕВЪ.

И такъ кончено! Жена, дѣти, визгъ, обмороки, бабье ! . . Прощай, университетскій обломокъ!

ЛАВИНСКІЙ.

Эпитафія хороша тѣмъ, что коротка.

ВЕРТЯЕВЪ *(взявъ его за руку и глядя ему въ глаза)*.

Знаешь что, Петя: возьми меня завтра.

ЛАВИНСКІЙ *(съ удивленіемъ)*.

Куда?

ВЕРТЯЕВЪ.

Къ нимъ, къ Мартовымъ.

ЛАВИНСКІЙ *(съ смущеніемъ)*.

Право, не знаю, какъ же такъ . . .

ВЕРТЯЕВЪ *(живо).*

Ты не бойся, я причешусь, пріодѣнусь . . .

ЛАВИНСКІЙ.

Пожалуй, я тебя представлю; только, ради Бога . . .

ВЕРТЯЕВЪ.

Я тебѣ говорю, не бойся . . . Твоя невѣста любитъ правду, я ее не испугаю. Ничего. Такъ рѣшено? Завтра мы ѣдемъ. А теперь прощай. Я полагаю, что ты, въ качествѣ жениха, горишь желаніемъ поскорѣй увидѣть предметъ своей страсти . . . Я тебя не удерживаю . . . Прощай *(крѣпко жметъ ему руку).*

ЛАВИНСКІЙ.

Прощай. А вѣдь я счастливъ, Вертяевъ ! . .

ВЕРТЯЕВЪ.

Слава Богу, удалось хоть разъ видѣть счастливаго человѣка! *(Уходитъ и сталкивается въ дверяхъ съ Лушинымъ, который втаскиваетъ его назадъ).*

ЯВЛЕНІЕ X.

ВЕРТЯЕВЪ, ЛАВИНСКІЙ, ЛУШИНЪ *(одѣтъ франтовато и пестро).*

ЛУШИНЪ.

Ба, ба, ба! Кого я вижу! Откуда? . . Давно ли здѣсь? . . Чтожъ ты ко мнѣ не заѣхалъ? а ? . . Ну, обнимемся, обнимемся!

ВЕРТЯЕВЪ.

Довольно обниматься!

ЛУШИНЪ.

Однако постарѣлъ, сильно постарѣлъ!

ВЕРТЯЕВЪ.

Съ годами молодѣютъ, что ли?

ЛУШИНЪ.

Взгляни на меня ! . . Свѣжъ, здоровъ и вѣчно юнъ! Моя жизнь, братъ, усыпана розами . . . Шампанское пили?

ЛАВИНСКІЙ.

Утромъ?

ЛУШИНЪ.

Какое теперь утро! Старый дружище пріѣхалъ, и не выпить за его здоровье ! . . Нельзя! никакъ нельзя! . . Ѳома! *(бѣжитъ и кричитъ въ дверь).*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣже, **Ѳома.**

ѲОМА *(свирѣпый).*

Чего извольте?

ЛУШИНЪ.

Дай, братъ, сюда бутылочку шампанскаго.

ѲОМА.

Нѣтъ у насъ, сударь, шампанскаго . . . Хересъ есть.

ЛУШИНЪ.

Дѣлать нечего! дай хоть хересу. *(Лавинскому)* Съ дороги надо промочить горло . . . цѣлый день хлопоталъ, какъ угорѣлый.

ЛАВИНСКІЙ *(Вертяеву).*

Ты съ нимъ побесѣдуй! онъ тебѣ раскажетъ много новостей, а я васъ оставлю . . . До свиданія. Такъ ты, Вертяевъ, пріѣзжай завтра часа въ два, мы вмѣстѣ и отправимся . . . Прощай, Лушинъ! извини, пожалуйста, но я съ тобой не церемонюсь . . . *(Уходитъ. Ѳома приноситъ бутылку хереса и рюмки).*

ЯВЛЕНІЕ XII.

ВЕРТЯЕВЪ, ЛУШИНЪ *(наливаетъ и пьетъ).*

ЛУШИНЪ.

Когда ты пріѣхалъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Вчера.

ЛУШИНЪ.

А я, братъ, изъ Петербурга ни ногой. Мнѣ недавно предлагали мѣсто чиновника по особымъ порученіямъ, да надо разъѣзжать—я и отказался. Не могу!

ВЕРТЯЕВЪ.

А у тебя какое мѣсто?

ЛУШИНЪ.

Чрезъ три недѣли получу штатное . . . Мнѣ ужъ давно обѣщали. Впрочемъ работы столько, что не знаешь, какъ справиться.

ВЕРТЯЕВЪ.

Гмъ ! . .

ЛУШИНЪ.

Работа ничего . . . Но, знаешь, необходимо поддерживать связи, знакомства, бывать въ обществѣ . . . По выходѣ изъ университета *(наливаетъ и пьетъ)*, я почти ни одного вечера не провелъ дома.

ВЕРТЯЕВЪ.

Будто?

ЛУШИНЪ.

Ты себѣ не въ состояніи представить: просто на

расхватъ! Особенно на балахъ. Приглашеній столько, что не успѣваешь перебывать . . . Нѣтъ, братъ, танцы много значутъ . . . Если, напримѣръ, въ мазуркѣ . . . *(пьетъ).*

ВЕРТЯЕВЪ.

Ну, я въ этихъ дѣлахъ не смыслю. А ты всегда такъ пьешь?

ЛУШИНЪ.

Это, по твоему, много?

ВЕРТЯЕВЪ.

Мнѣ помнится, что ты въ университетѣ отъ трехъ рюмокъ приходилъ въ экстазъ . . .

ЛУШИНЪ.

Никогда это не бывало! *(Пьетъ и начинаетъ быть навеселѣ).* Ты всегда что нибудь выдумаешь. Но я на тебя не сержусь. Ты чудакъ, оригиналъ . . . а я добрый малый . . . да и ты добрый малый! Я тебя очень люблю, Вертяевъ, потому что ты . . . Право, люблю. А, братецъ, какъ дамы и дѣвицы за мной ухаживаютъ: умора да и только! . . Я и не женатъ единственно потому, что не знаю, какую выбрать . . . Дай честное слово, что не скажешь?

ВЕРТЯЕВЪ.

Изволь . . .

ЛУШИНЪ.

Одна вдова, женщина очень молодая, лѣтъ двадцати трехъ, влюбилась въ меня до зарѣзу...Свадьба будетъ осенью. Ты, надѣюсь, будешь моимъ шаферомъ?.. Когожъ и просить, какъ не друзей!. Но самое затруднительное положеніе то, когда, того и гляди, приходится выходить на дуэль. Я, слава Богу, дуэли не боюсь... *(пьетъ и говоритъ съ жаромъ).* Я, не хвастаясь, скажу, что до отважности смѣлъ. Представь себѣ, что въ три года я имѣлъ ровно три дуэли—по дуэли на годъ. И, какъ видишь, ничего...

ВЕРТЯЕВЪ *(вставая и собираясь уходить).*

Ты однако ужасный человѣкъ...

ЛУШИНЪ.

Да, со мной шутить плохо!..Въ настоящую минуту дѣло завязывается посерьознѣе... Около моей вдовушки увивается одинъ ротмистръ...Я сегодня думаю послать къ нему секундантовъ...

ВЕРТЯЕВЪ *(подходя къ двери).*

Ну, Лушинъ...

ЛУШИНЪ *(не слушая его).*

Жаль только, что Бродко не видалъ...

ВЕРТЯЕВЪ *(останавливаясь).*

Какъ, развѣ ты съ нимъ знакомъ?

ЛУШИНЪ *(пьетъ).*

Мы съ нимъ первостатейные друзья.

ВЕРТЯЕВЪ.

Такъ ты, пожалуй, и Мартовыхъ знаешь?

ЛУШИНЪ.

Ого! я у нихъ какъ родной сынъ. Вотъ, я тебѣ скажу, прелесть дѣвушка, Наденька то! Это просто... *(сжимаетъ кончики пальцевъ и цѣлуетъ ихъ).*

ВЕРТЯЕВЪ *(въ сторону).*

Порасспросить его объ этомъ Бродко!.. Можетъ быть, проврется...Къ тому же онъ подпилъ... *(Подходя къ нему. Громко).* Какой это Бродко? съ бакенбардами?..

ЛУШИНЪ.

Красавецъ мужчина и джентльменъ, настоящій.. джентльменъ. Холоденъ немножко; но и подъ снѣгомъ бываетъ ледъ...т. е. огонь. А признаюсь, мнѣ Наденька очень нравится; но ужъ тутъ нельзя...

ВЕРТЯЕВЪ.

Отчего же нельзя?

ЛУШИНЪ.

Дружба выше всего...Дружба, братъ, это, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ...это сочувствіе во вза...взаимной...Нѣтъ, нельзя.

ВЕРТЯЕВЪ.

Т. е. ты на счетъ Лавинскаго?

ЛУШИНЪ *(не понимая).*

Какъ Лавинскаго?

ВЕРТЯЕВЪ *(въ сторону).*

Не туда заѣхалъ! *(Громко)* т. е. на счетъ Бродко?

ЛУШИНЪ *(немного покачиваясь).*

Ну да, разумѣется, другъ ты мой любезный! Скажи мнѣ Бродко, чтобъ я въ окно прыгнулъ... Я прыгну...Я готовъ...Все для дружбы! Да и потомъ Наденька скоро будетъ его невѣстой...

ВЕРТЯЕВЪ *(схвативъ его за руку).*

Чьей невѣстой? говори же!..

ЛУШИНЪ.

Чьей невѣстой?..Бродко. Онъ ужъ три мѣсяца тому назадъ просилъ у матери руки Наденьки... А старуха его очень любитъ...всѣ дѣла ея у него на рукахъ...Но она глупа...Бродко не прочь и

свою выгоду соблюсти... Отчего жъ и не пользоваться, когда деньги плывутъ въ руки? Да и все равно: вѣдь ему же достанется... На дняхъ рѣши... тельный... рѣшительный отвѣтъ... *(садится къ столу и опускаетъ голову).*

ВЕРТЯЕВЪ.

Понимаю. Однако этотъ Бродко долженъ быть ужасная шельма. Хорошо, если ему не удастся... Ну, кажется, отъ этого теперь ничего не добьешься... Ему надо отдохнуть.. Да и мнѣ пора... Черезъ чуръ засидѣлся *(беретъ картузъ и уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ЛУШИНЪ, ѲОМА.

ЛУШИНЪ *(приподнимая голову).*

Вертяевъ! а, Вертяевъ!.. гдѣжъ ты, братецъ?.. О чемъ бишь мы говорили?..

ѲОМА *(вбѣгаетъ съ письмомъ).*

Батюшки! отцы родные!.. Наша старая барыня заболѣла... Кузьма изъ деревни пріѣхалъ...

ЛУШИНЪ.

Что ты говоришь?

ӨОМА.

Вотъ бѣда приключилась!..А барыня то такая добрая, — матушка то Петра Андреича!.. Зоветъ сынка къ себѣ: совсѣмъ, дескать, умираю.. и письмецо прислала.

ЛУШИНЪ.

Какое письмо?

ӨОМА.

Эхъ, батюшка! что съ вами толковать!..Скорѣе бѣжать за Петромъ Андреичемъ…Вотъ тебѣ и сюрпризъ!..

(Конецъ перваго дѣйствія).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Гостиная въ домѣ Мартовыхъ. Съ правой стороны рояль, съ лѣвой каминъ и пяльцы. Мебель богатая и изящная. Утро.

ЯВЛЕНІЕ I.

НАДЕНЬКА *(вышиваетъ за пяльцами)*, **АННА ОСИПОВНА** *(сидитъ справа и читаетъ).*

НАДЕНЬКА *(послѣ нѣкотораго молчанія).*

Тетушка!

АННА ОСИПОВНА.

Что, дружокъ?

НАДЕНЬКА.

Сегодня Пьеръ ѣдетъ въ деревню и просилъ маменьку, передъ своимъ отъѣздомъ, объявить нашимъ знакомымъ, что я его невѣста.

АННА ОСИПОВНА *(оставляя книгу).*

Вотъ что!..Я удивляюсь, какъ ты можешь быть такъ хладнокровна, мой ангелъ!..

НАДЕНЬКА.

Изъ чего же мнѣ волноваться?

АННА ОСИПОВНА.

Какъ достало у тебя смѣлости рѣшиться! Вѣдь это на всю жизнь, Наденька! Жертвовать своимъ спокойствіемъ, будущностью, можетъ быть, жизнью, и для кого же? для мужчины!..Развѣ ты не знаешь что всѣ мужчины эгоисты?

НАДЕНЬКА.

Зачѣмъ же придерживаться всегда общихъ правилъ!..Я слышала, тетушка, что вы были красавица; скажите, пожалуйста, отчего вы не вышли замужъ?

АННА ОСИПОВНА *(вздыхая).*

Что объ этомъ вспоминать! Я была молода, хороша собой, и рѣшилась лучше сохранить свою свободу, чѣмъ пожертвовать ею для человѣка, который, можетъ быть, и не оцѣнилъ бы этой жертвы. Развѣ можно быть въ чемъ нибудь увѣренной? Съ виду, человѣкъ и хорошъ, а кто его разберетъ!.

НАДЕНЬКА.

На чтоже здравый смыслъ?

АННА ОСИПОВНА.

Здравый смыслъ не спасетъ отъ ошибокъ... Я не могу вотъ еще чего понять: ты выходишь за Лавинскаго по любви, а ничѣмъ не доказываешь, что влюблена въ него. Неужели это любовь?

НАДЕНЬКА.

Милая тетушка, скажите, какъ, по вашему, слѣдуетъ любить?

АННА ОСИПОВНА (*задумавшись*).

Правду тебѣ сказать, я была одинъ разъ въ жизни влюблена, но такъ влюблена, что чуть чуть не вышла замужъ...Только моя любовь совсѣмъ не была похожа на твою...Вѣрно, люди нынче не тѣ стали...Бывало, жду не дождусь его, только о немъ

и думаешь, сердце замираетъ, руки дрожатъ... Войдетъ въ комнату—и слова не умѣешь выговорить; имя услышишь—вся покраснѣешь до ушей. Въ цѣлый день съѣшь развѣ ломтикъ бѣлаго хлѣба съ чаемъ, аппетита и въ поминѣ не было .. Ну и таліей хотѣлось пощеголять... Ночи на пролетъ просиживала у окна, да смотрѣла на дорогу...

НАДЕНЬКА.

Отчего же вы, тетушка, не согласились?

АННА ОСИПОВНА.

Побоялась... Вотъ это любовь! А на тебя посмотрѣть: и аппетитъ, слава Богу, есть, и сонъ, и говоришь безъ умолку, и смущенія никакого не видно... Ты ужъ черезъ чуръ спокойна, матушка; кто влюбленъ, тотъ спокойствія лишенъ,—это всѣмъ извѣстно.

НАДЕНЬКА.

Моя любовь, въ самомъ дѣлѣ, какая то спокойная. Но я иной любви не понимаю, да и не хотѣла бы понимать. Я люблю Лавинскаго за то, что онъ умный, добрый, честный человѣкъ, и увѣрена, что буду съ нимъ счастлива... Къ чему тревожиться и волноваться, когда дѣло такъ просто?..

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже, **ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА** *(Наденька подходитъ къ ней и цѣлуетъ у нея руку; та цѣлуетъ ее въ голову).*

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Здравствуй, Наденька, здравствуй, дружокъ! поправь, душечка, волосы: они у тебя совсѣмъ развились слѣва.. Отчего ты не въ синемъ платьѣ? *(садится какъ бы въ утомленіи).*

НАДЕНЬКА *(весело).*

Надоѣло, мамаша!

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Надоѣло, такъ надоѣло... А оно къ тебѣ лучше идетъ. *(Значительно)* Сегодня не мѣшало бы принарядиться.

НАДЕНЬКА.

Для чего, мамаша?

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Развѣ ты позабыла какой сегодня день?... Какъ я устала послѣ вчерашняго бала! нервы совсѣмъ разстроились . . . *(лукаво)* Тебѣ, Наденька, я думаю, скучно было.

НАДЕНЬКА.

Нѣтъ, я очень веселилась Развѣ на балу можетъ быть скучно?

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Надо вѣдь случиться съ Пьеромъ такому несчастію! Онъ вчера почти ничего не успѣлъ разсказать мнѣ . . . Бѣдный! долженъ скакать за пятьсотъ верстъ, когда здѣсь такъ хорошо! Какъ жаль, что онъ ѣдетъ!

АННА ОСИПОВНА.

Богъ дастъ скоро вернется.

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Разумѣется, разумѣется , . . *(подходитъ къ окну)*. Однако ужъ второй часъ . . . Что же это онъ не ѣдетъ? . . Вотъ кто то подъѣхалъ . . . Не онъ ли? Нѣтъ, Лушинъ. Какая однако у него красивая лошадь и кучеръ съ бородой! . .

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже, **ЛУШИНЪ** *(съ свертками въ рукахъ)*.

ЛУШИНЪ.

Мое почтеніе, дражайшая Лизавета Осиповна! *(цѣлуетъ ея руку)*. Надежда Николавна, вашъ туалетъ былъ восхитителенъ! Графиня говорила мнѣ, что никогда не видала ничего подобнаго . . . Анна Осиповна, позвольте вамъ представить лепешечки отъ кашля . . .

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Хорошо, хорошо. А мои порученія исполнили?

ЛУШИНЪ.

Можно ли спрашивать! во первыхъ, вотъ ваши любимые духи; во вторыхъ, перчатки N $6^1/_2$. . .

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА *(томно)*.

Да, мнѣ хотѣлось пошире...

ЛУШИНЪ.

Затѣмъ-съ, честь имѣю предъявить новый романъ Поля Феваля—одиннадцать частей. Остальныя будутъ получены черезъ три недѣли. Великолѣпнѣйшая вещь! Представьте себѣ, дѣйствіе происходитъ у подошвы Везувія, герой—негръ, который оказывается потомъ совсѣмъ не негромъ, героиня. . .

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Ахъ, не разсказывайте, не разсказывайте! Я сама прочту, а то будетъ меньше интереса . . . Сознаюсь, Поль Феваль моя слабость. . .

АННА ОСИПОВНА.

Я все таки не промѣняю на него Александра Дюма.

ЛУШИНЪ.

И вамъ, Надежда Николавна, не мѣшало бы прочесть. . . Вы охотница до чтенія.

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Нѣтъ, нѣтъ! На васъ положиться нельзя . . . Можетъ быть, тамъ есть что нибудь такое, не совсѣмъ . . . Прежде я просмотрю, а тамъ и Надя прочтетъ.

НАДЕНЬКА.

Я, маменька, не люблю Поля Феваля.

ЛУШИНЪ.

А знаете новость, mesdames?

АННА ОСИПОВНА *(съ любопытствомъ).*

Какую новость?

ЛУШИНЪ.

Лавинскій вчера въ деревню уѣхалъ.

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Что вы! онъ вчера былъ у меня…

ЛУШИНЪ.

Вѣрно послѣ того, какъ былъ у васъ. Письмо изъ деревни ему принесли при мнѣ.

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Это я знаю, онъ мнѣ самъ говорилъ . . . Боже мой! неужели уѣхалъ! . . Наденька, что жъ ты молчишь?

НАДЕНЬКА.

Что жъ говорить, маменька! Мнѣ кажется, Лавинскій не уѣхалъ бы, не простившись съ нами.

ЛУШИНЪ.

По крайней мѣрѣ, я такъ слышалъ. Вотъ и Вертяевъ былъ свидѣтелемъ . . . Впрочемъ, вы его не знаете . . .

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Какой это Вертяевъ? Я когда то знавала одного Вертяева, только давно,—не отца ли?

ЛУШИНЪ.

Это нашъ университетскій товарищъ. Я съ нимъ на ты. Отличнѣйшій человѣкъ, занимается химіей и сдѣлалъ нѣсколько открытій. Геній, просто геній! Только черезъ чуръ прямъ, рѣзокъ, откровененъ слишкомъ . . . И странная вещь! съ его способностями могъ бы получить отличное мѣсто на службѣ, а пробылъ цѣлыхъ два года на заводѣ, въ глуши. . .

АННА ОСИПОВНА.

Воображаю, хорошъ дикарь!

ЛУШИНЪ.

Разумѣется, въ дамскомъ обществѣ онъ не интересенъ. Но, въ своемъ кружкѣ, удивительный че-

ловѣкъ! Я, натурально, разсуждаю съ нимъ больше объ ученыхъ предметахъ, ну и наконецъ дойдешь до того, что просто голова кругомъ пойдетъ . . . Да вотъ, не дальше какъ вчера, ужъ о чемъ мы съ нимъ не переговорили: и объ эманципаціи, и о естественныхъ наукахъ, и о Фохтѣ, и о политической экономіи. . .

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Да, да! Я знаю, вы умные люди . . . Только не нравится мнѣ, что у васъ все . . . матерьялисма много.

ЛУШИНЪ.

Да, я говорю прямо: я матеріялистъ. Современный человѣкъ не можетъ не быть матеріялистомъ!

НАДЕНЬКА.

М-r Лушинъ матеріялистъ по долгу.

ЯВЛЕНIЕ IV.

Тѣже, **СЛУГА.**

СЛУГА.

Петръ Андреичъ пріѣхали.

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА *(вставая и суетясь).*

Наконецъ то! Слава тебѣ, Господи! Проси, проси! *(слуга уходитъ)* Наденька! *(тихо)* право, надѣнь лучше синее платье...

НАДЕНЬКА.

Маменька, это наконецъ смѣшно! перестаньте!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже, **ЛАВИНСКІЙ, ВЕРТЯЕВЪ.**

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Гдѣ вы пропадали, Петръ Андреичъ? я ужъ ждала васъ, ждала. . .

ЛАВИНСКІЙ.

Захлопотался, Лизавета Осиповна. Надо было собираться въ дорогу. Позвольте мнѣ, передъ отъѣздомъ, представить вамъ моего лучшаго товарища, Ивана Михайловича Вертяева. Надѣюсь, что вы его примете съ такимъ же радушіемъ, какъ и меня.

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА *(въ маленькомъ волненіи).*

Очень пріятно . . . Позвольте познакомить васъ съ моею сестрою и дочерью . . . *(Вертяевъ молча кланяется).*

НАДЕНЬКА *(въ сторону).*

Вертяевъ! Оригиналъ долженъ быть похожъ на портретъ.

ЛАВИНСКІЙ.

Теперь, когда оффиціальное представленіе кон-

чено, я долженъ васъ предупредить, что Иванъ Михайловичъ врагъ всевозможныхъ церемоній. Поэтому вы сдѣлаете ему величайшее одолженіе, если будете съ нимъ обходиться, какъ съ старымъ знакомымъ, совершенно запросто . . . (*Лизавета Осиповна садится, Вертяевъ подлѣ нея, Лавинскій подходитъ къ Наденькѣ, Анна Осиповна говоритъ съ Лушинымъ въ сторонѣ*).

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Мнѣ знакома ваша фамилія, Иванъ Михайловичъ. Не служилъ ли вашъ батюшка въ военной службѣ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Нѣтъ-съ, онъ служилъ въ штатской.

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

А!.. Надолго вы пріѣхали въ Петербургъ?.

ВЕРТЯЕВЪ.

Не знаю... Будетъ отъ обстоятельствъ зависѣть.

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА

А вотъ m-r Лушинъ насъ сейчасъ испугалъ: сказалъ, что Петръ Андреичъ уѣхалъ въ деревню.

ЛУШИНЪ (*подбѣгая*).

Я не говорилъ утвердительно, Лизавета Осиповна. Это большая разница. (*Наклоняясь къ Вертяеву, тихо*) Ты какъ здѣсь?

ВЕРТЯЕВЪ *(тихо).*

А ты проспался?

ЛУШИНЪ *(живо).*

Пожалуйста, не распространяйся... Я подверженъ головокруженію... у меня аневризмъ... *(Громко).* Мы хотимъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ за границу, Лизавета Осиповна. Я ужъ давно думаю держать экзаменъ на магистра... *(Продолжаютъ говорить).*

ЛАВИНСКІЙ *(подходя къ Лизаветѣ Осиповнѣ).*

Извините меня, Лизавета Осиповна, если я прерву вашъ разговоръ, но... Вертяевъ обѣщался еще съѣздить по моимъ дѣламъ, кое что закупить... Я не успѣлъ всѣмъ распорядиться... Теперь время.

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Поѣзжайте, Иванъ Михайлычъ, не церемоньтесь, а когда все устроите, милости прошу къ намъ проводить Петра Андреича.

ВЕРТЯЕВЪ.

Постараюсь окончить все какъ можно скорѣе.

ЛАВИНСКІЙ.

Ты ничего не забылъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Не безпокойся, все помню.

ЛУШИНЪ.

И я съ тобою поѣду, Вертяевъ, для компаніи... Тебѣ куда?

ВЕРТЯЕВЪ.

Недалеко—въ Морскую. Я сейчасъ вернусь.

ЛУШИНЪ.

И отлично! Кстати и сапи мои здѣсь... Прощайте, Лизавета Осиповна. Мое почтеніе, Анна Осиповна, Надежда Николавна... Я еще съ нимъ пріѣду проводить Петю. *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже, кромѣ **ВЕРТЯЕВА** и **ЛУШИНА.**

АННА ОСИПОВНА *(тихо).*

Сестрица, дай же имъ поговорить вдвоемъ! вѣдь онъ сейчасъ ѣдетъ...

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА *(тихо).*

Я съ тобой согласна... *(Громко)* Гмъ!.. я думаю, Бродко съ дѣлами дожидается меня въ кабинетѣ... Не хотѣлось бы, а надо идти... А вы и рады, Петръ

Андреичъ?.. Ну да Богъ съ вами!.. Я знаю, что значитъ влюбленные!.. *(Лизавета и Анна Осиповны уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЛАВИНСКІЙ, НАДЕНЬКА.

ЛАВИНСКІЙ *(взявъ Наденьку за руку).*

Наконецъ то я могу назвать васъ моей невѣстой предъ всѣми, а скоро и женою... милою, доброю женой! Какъ я счастливъ, Надежда Николавна! я боюсь, чтобъ мнѣ не умереть отъ радости!

НАДЕНЬКА.

Что же я буду дѣлать тогда, неблагодарный?

ЛАВИНСКІЙ.

Если бъ можно было остаться! Я вчера говорилъ вашей матушкѣ, что уѣду счастливый... Но счастье въ разлукѣ живетъ однимъ воспоминаніемъ... Наденька, вы еще никогда не говорили мнѣ, что меня любите...

НАДЕНЬКА.

Такъ я иду за васъ замужъ изъ ненависти?

ЛАВИНСКІЙ *(цѣлуя ея руку).*

Этого мало... Дай Богъ, чтобъ скорѣе прошли эти несносные два мѣсяца! Но за то потомъ какое

счастіе!.. Сколько у меня плановъ, Надежда Николавна, сколько предположеній о новой жизни! Я какъ будто переродился... Во первыхъ, послѣ свадьбы, мы отправимся въ деревню къ моей матушкѣ. Я воображаю, въ какомъ восторгѣ будетъ старушка!.. Она васъ очень хорошо знаетъ изъ моихъ писемъ... Въ деревнѣ мы пробудемъ недолго...

НАДЕНЬКА.

Вамъ не позволятъ ваши занятія, служба?

ЛАВИНСКІЙ.

Буду ли я въ состояніи чѣмъ нибудь заниматься! Нѣтъ, я хочу принадлежать вамъ безраздѣльно! Я такъ высоко ставлю свою любовь, что всякую постороннюю мысль, всякую заботу, которая бы не относилась къ вамъ, буду считать святотатствомъ... А хотите я вамъ раскажу одну изъ фантазій, которыя мнѣ и прежде часто приходили въ голову?.. Жаль только, что времени осталось мало.

НАДЕНЬКА.

Скажите. А вы также строите воздушные замки?

ЛАВИНСКІЙ.

Какъ же, и очень часто съ нѣкоторыхъ поръ. *(Взявъ ее за обѣ руки)*. Такъ слушайте, мой другъ Наденька. Изъ деревни мы поѣдемъ за границу; я хо-

чу, чтобъ никто не мѣшалъ моему счастію. Мы поѣдемъ въ Италію и поселимся на берегу озера, въ какой нибудь хорошенькой виллѣ... Не смѣйтесь, Наденька, не считайте меня фантазеромъ!.. Эта фантазія очень легко можетъ осуществиться... Боже мой! какая тамъ природа, что за край, что за климатъ!.. Синее, безмятежное небо, воздухъ, который ласкаетъ и нѣжитъ, а кругомъ горы, виноградники, сады... Ни заботъ житейскихъ, ни волненій, ни суеты!.. И умирать не хотѣлось бы тамъ! Вотъ гдѣ можно позабыть все на свѣтѣ и думать только о своей любви, о своемъ счастіи!

НАДЕНЬКА *(улыбаясь).*

И вы не соскучились бы тамъ со мною, вдали отъ вашихъ родныхъ, друзей, знакомыхъ? васъ не влекло бы на родину?

ЛАВИНСКІЙ.

Не знаю! я говорю такъ, какъ думаю теперь, и могу ручаться, что не измѣнюсь... Моя любовь такъ безпредѣльна, что, кромѣ ея, мнѣ ничего не надо... Въ ней вся моя радость, все мое счастіе, вся моя жизнь!.. *(Цѣлуетъ ея руки. Слышенъ звонокъ).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже, **ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА, ВЕРТЯЕВЪ.**

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Вы ужъ воротились Иванъ Михайловичъ? Все устроили, ничего не забыли?

ВЕРТЯЕВЪ.

Ничего-съ *(Лавинскому)*. У подъѣзда я видѣлъ экипажъ. Онъ тебя ждетъ.

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Какъ хотите, а грустно разставаться съ человѣкомъ, котораго такъ много любишь, какъ мы всѣ любимъ Петра Андреича! На меня проводы всегда производятъ тяжелое впечатлѣніе... Вы не повѣрите, какъ я страдаю нервами!.. Сегодня цѣлый день на себя была не похожа.

ВЕРТЯЕВЪ.

Вамъ надобно посовѣтоваться съ докторами.

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Все какъ то позабываю... Кстати, Петръ Андреичъ, мнѣ надо передать нѣсколько порученій вашей матушкѣ. Будьте такъ добры, зайдите ко мнѣ въ комнату, а тамъ и отправляйтесь съ Богомъ въ дорогу. Пойдемте...

ЛАВИНСКІЙ.

Съ удовольствіемъ, Лизавета Осиповна.

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

А ты, Наденька, пока займи Ивана Михайловича *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

НАДЕНЬКА, ВЕРТЯЕВЪ.

НАДЕНЬКА *(въ сторону).*

Право, не знаю, о чемъ съ нимъ говорить... *(Молчаніе. Съ маленькимъ смущеніемъ.)* Садитесь, пожалуйста... Маменька сейчасъ вернется...

ВЕРТЯЕВЪ *(садясь).*

Зачѣмъ же ей торопиться? Она, надѣюсь, не будетъ со мной церемониться: если церемонятся, значитъ тяготятся... Вотъ и вы, Надежда Николавна, навѣрно раздумываете теперь, о чемъ бы со мною заговорить.... Повѣрьте, чѣмъ проще, тѣмъ лучше; тогда обѣ стороны останутся въ выигрышѣ....

НАДЕНЬКА *(весело).*

Извольте, мнѣ самой это больше нравится... и чтобъ доказать это на дѣлѣ, я вамъ скажу прямо, что мнѣ хотѣлось бы заняться теперь музыкой. Хо-

тите, я вамъ что нибудь сыграю? *(Садится къ роялю и беретъ нѣсколько аккордовъ. Оборачиваясь къ нему.)* А вы любите музыку?

ВЕРТЯЕВЪ.

Я ничего не могу вамъ на это сказать, потому что не знаю.

НАДЕНЬКА.

Какъ! вы не знаете, любите музыку или нѣтъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Не знаю, потому что музыки не понимаю.

НАДЕНЬКА.

Т. е. вы хотите сказать, что вы не знатокъ въ музыкѣ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Нѣтъ-съ, я просто не понимаю... Я знаю, что есть сочетаніе звуковъ, но какъ они между собой согласуются, хорошо или дурно, — этого я не понимаю.

НАДЕНЬКА.

И неужели на васъ хорошая музыка никогда не производила впечатлѣнія?

ВЕРТЯЕВЪ.

Во первыхъ, гдѣ мнѣ было ее слышать? а во вто-

рыхъ, такія вещи, какъ, напримѣръ, музыка, я считаю роскошью, и въ особенности для себя.

НАДЕНЬКА.

Отчего же для васъ въ особенности?

ВЕРТЯЕВЪ.

Оттого, что я не созданъ для подобныхъ впечатлѣній. Въ каждомъ человѣкѣ преобладаетъ или разсудокъ, или сердце, а тамъ, гдѣ разсудокъ полный хозяинъ,—предаваться минутному впечатлѣнію значитъ идти на перекоръ себѣ.

НАДЕНЬКА *(вставая)*.

Послѣ этого, вы отрицаете вліяніе чувства?

ВЕРТЯЕВЪ.

Чувство чувству рознь, Надежда Николавна! Вотъ у насъ въ деревнѣ у одного мужика изба сгорѣла и онъ по міру пошелъ... Посмотрѣли бы вы на его отчаяніе!.. Тутъ по неволѣ испытаешь очень неприятное чувство.

НАДЕНЬКА.

Это только доказываетъ, что вы добры, сами того не подозрѣвая... *(Садясь у стола)* Я даже увѣрена, что вы помогли этому бѣдному мужичку....

ВЕРТЯЕВЪ.

Нѣтъ, у меня тогда не было денегъ.

НАДЕНЬКА.

Все равно... Вы бы пожертвовали чѣмъ нибудь для него,—и наконецъ не только для него, но и для всякаго, кому ваша жертва принесла бы пользу?

ВЕРТЯЕВЪ.

Объясните мнѣ, что значитъ пожертвовать?

НАДЕНЬКА *(съ небольшимъ смущеніемъ).*

Какъ же мнѣ объяснить?... Ну, вотъ напримѣръ... Представьте себѣ человѣка, который любитъ горячо, истинно, всѣмъ сердцемъ и который все готовъ сдѣлать для любимой имъ женщины.....

ВЕРТЯЕВЪ.

Извольте, представлю,—хотя это довольно трудно представить.... Чтожъ дальше?

НАДЕНЬКА.

У него есть, положимъ, честолюбіе, стремленіе къ дѣятельности, желаніе славы... Не пожертвуетъ ли онъ всѣмъ этимъ для любимой имъ женщины, если это для нея необходимо?

ВЕРТЯЕВЪ *(подумавъ).*

Если необходимо, то нечего и говорить, а если не нужно, то приносить такую жертву, по моему мнѣнію, безсмысленно.

НАДЕНЬКА.

Но развѣ любовь не можетъ быть такъ всесильна, чтобъ заставить позабыть все на свѣтѣ и предаться только ей одной? *(Въ сторону)* Не то ли говорилъ мнѣ Лавинскій?....

ВЕРТЯЕВЪ.

Нѣтъ, это не любовь... Ужъ если говорить о любви, такъ она должна возбуждать человѣка къ дѣятельности, а не повергать въ апатію. Развѣ можно сидѣть сложа руки? Да тутъ черезъ двѣ недѣли умрешь и задохнешься отъ бездѣлья! Нѣтъ, Надежда Николавна, вашъ примѣръ совсѣмъ не вѣренъ; нѣтъ на свѣтѣ женщины, которая позволила бы принести ей подобную жертву изъ одной прихоти, изъ желанія безраздѣльной власти! Напротивъ, я думаю, нѣтъ женщины, которая не направляла бы любящаго ее человѣка къ дѣятельности, не указывала бы ему всей святости честнаго, благороднаго труда,—труда, приносящаго не матеріальную выгоду, а невыразимое нравственное наслажденіе! Если же такой женщинѣ необходима подобная жертва, то, знаете, какъ она зовется?

НАДЕНЬКА *(смотря на него)*.

Какъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Исполненіемъ долга. Но тогда ужъ это не жертва....

НАДЕНЬКА.

Но какъ знать, въ чемъ состоитъ этотъ долгъ? Что надо дѣлать, какъ поступать? и можно ли наконецъ найдти прямую дорогу?

ВЕРТЯЕВЪ.

Можно. Не надо только уноситься жизнью.... Пусть каждый работаетъ въ томъ кругѣ, который ему по силамъ.

НАДЕНЬКА.

Какую же дѣятельность вы себѣ избрали, Иванъ Михайловичъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Я дѣлаю, что могу, и доволенъ пока этимъ. Но еслибъ вы знали, какъ и эта незамѣтная дѣятельность мнѣ трудно досталась!

НАДЕНЬКА.

Что же васъ останавливало?

ВЕРТЯЕВЪ.

Моя обстановка. Я выросъ въ деревнѣ... насилу поступилъ въ университетъ. Отецъ не хотѣлъ. На-

до было упрашивать, уговаривать... Имѣніе небольшое, насъ шестеро братьевъ... Да, тяжеленько было! Куда ни обернись, — сплетни, нелѣпое веселье, помѣщичьи дрязги, собаки, имянины, ѣда на убой... Братья цѣлый день на охотѣ... Вы не знаете, что такое жизнь въ деревенскомъ захолустьѣ!

НАДЕНЬКА.

Не знаю. Ну, а скажите, какъ же вы вздумали поступить въ университетъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

А вотъ какъ съ. Впрочемъ оно вышло очень просто. На лѣто я пріѣзжалъ изъ гимназіи домой.... Былъ мальчишка, какъ и всѣ: стрѣлялъ утокъ, ловилъ рыбу, бѣгалъ по полямъ. Разъ, на чердакѣ, попалось мнѣ нѣсколько старыхъ книжонокъ.... Въ нихъ, я думаю, никто и не заглядывалъ... Какой нибудь букинистъ заѣзжій продалъ за безцѣнокъ... Тутъ былъ и Современникъ прежняго времени, и Отечественныя Записки съ статьями Бѣлинскаго, сочиненія Пушкина, Гоголя... Началъ я ихъ читать отъ нечего дѣлать, — потомъ пристрастился... Въ глазахъ свѣтлю стало, дорога открылась... широкая, славная дорога!... Ну, я и не выдержалъ. Просился, просился... отецъ отпустилъ и далъ денегъ на проѣздъ. Въ университетѣ сначала плохо

пришлось: иногда и сальной свѣчки не на что было купить. Потомъ обтерпѣлся, узналъ себя какъ слѣдуетъ, потомъ поступилъ на заводъ... Теперь, слава Богу, могу работать, сколько душѣ угодно!.... Вотъ и все, Надежда Николавна.

ЯВЛЕНІЕ X.

ВЕРТЯЕВЪ, НАДЕНЬКА, ЛАВИНСКІЙ, ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА, АННА ОСИПОВНА, БРОДКО.

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Извините, Иванъ Михайловичъ, что я заставила васъ такъ долго дожидаться . . .

АННА ОСИПОВНА (*тихо Наденькѣ*).

Ты съ нимъ говорила?

НАДЕНЬКА.

Да.

АННА ОСИПОВНА.

Что жъ онъ невообразимо смѣшонъ?

НАДЕНЬКА.

Нѣтъ.

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Теперь, господа, намъ остается только проводить

Петра Андреича и пожелать ему скораго возвращенія . . . *(Лавинскій подходитъ къ Наденькѣ, Вертяевъ въ сторонѣ. Слуга вноситъ поднос съ бокалами шампанскаго)* Но прежде я должна вамъ объявить новость. . .

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣже, **Лушинъ.**

ЛУШИНЪ.

Какъ разъ поспѣлъ! я чутьемъ слышу, гдѣ шампанское! . .

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Лушинъ, берите бокалъ и молчите.

ЛУШИНЪ.

Беру и молчу.

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА *(взявъ бокалъ).*

Господа, поздравьте жениха и невѣсту . . . За здоровье Наденьки и Петра Андреевича! *(Всѣ поздравляютъ. Во время поздравленія)*

ЛУШИНЪ *(Бродко).*

Какъ же это такъ? я вѣдь думалъ, что ты. . .

БРОДКО *(тихо).*

Молчи! Дѣло еще не потеряно. . .

ЛУШИНЪ.

А! дѣло не потеряно? . . *(бѣжитъ поздравлять).*

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Хотѣла бы выпить весь бокалъ, да не могу . . . шампанское ужасно дѣйствуетъ на голову! . . Петръ Андреичъ, подите сюда! не забудьте же моего письма къ матушкѣ . . . Ахъ, Боже мой! будьте веселѣе, что вы пригорюнились?

ЛАВИНСКІЙ.

Скучно ѣхать, Лизавета Осиповна, особенно теперь! . .

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Перестаньте! не смѣйте скучать! Я хочу проводить васъ весело, хочу, чтобъ всѣ смѣялись и говорили, а не то берегитесь! я сама заплачу. . . Борисъ Антонычъ! развеселите насъ. . . что вы тамъ шепчетесь съ Лушинымъ? . .

БРОДКО *(подходя).*

Что прикажете, Лизавета Осиповна?

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Пожелайте чего нибудь на дорогу Петру Андреичу. . .

ЛАВИНСКІЙ *(улыбаясь).*

Я такъ счастливъ, что мнѣ рѣшительно нечего желать.

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Нѣтъ, я хочу непремѣнно, чтобъ были тосты! да, да! это чудесно! пусть каждый скажетъ какой нибудь тостъ! Петръ Андреичъ, начните первый.

ЛАВИНСКІЙ *(взявъ бокалъ, полушутливо).*

Извольте, я готовъ. . . Да здравствуетъ любовь, источникъ счастія и вдохновенія! *(Цѣлуетъ руку Наденьки).*

БРОДКО *(съ бокаломъ).*

Да здравствуетъ умъ, двигатель современной жизни!

ЛУШИНЪ.

А я то что скажу?.. Да здравствуетъ... веселье, шампанское и... мазурка! *(выпиваетъ залпомъ).*

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Браво, господа! прекрасно! Вотъ это мнѣ нравится! Иванъ Михайловичъ, за вами очередь! Что жъ вы ничего не скажете?

ВЕРТЯЕВЪ.

Что жъ мнѣ говорить?

НАДЕНЬКА.

Нѣтъ, скажите.

ВЕРТЯЕВЪ.

Я могу только повторить тѣже самые тосты. Да здравствуетъ любовь! любовь, источникъ дѣятельности, возвышающая человѣка! любовь — начало апатіи, повергающая его въ ничтожество! Да здравствуетъ умъ, Борисъ Антонычъ! умъ въ геніи и бѣдномъ труженикѣ, умъ въ плутѣ и спекулянтѣ! Да здравствуетъ веселье, Лушинъ!—веселье бѣдняка, купившаго на послѣднія деньги дѣльную книгу, веселье честнаго семейства у домашняго очага! и да здравствуетъ веселье пустозвона, промотавшагося на наемныхъ рысакахъ и бьющаго стекла по трактирамъ!.. Выпилъ бы я еще за одно здоровье—за здоровье правды,—я думаю, ей теперь очень нездоровится, да только далеко она, сердечная, и не услышитъ меня!.. *(Всѣ молчатъ въ удивленіи)*

ЛАВИНСКІЙ *(тихо подходя къ Вертяеву).*

Что съ тобой?

ВЕРТЯЕВЪ.

Не совладалъ, братъ,—прорвалось!

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Ну, Петръ Андреичъ, вамъ пора. Прощайте, дорогой мой! пишите къ намъ почаще и не слишкомъ скучайте безъ невѣсты: два мѣсяца скоро пройдутъ. . . Присядемте. . . *(Всѣ садятся. Послѣ нѣкотораго времени)* Ну, съ Богомъ!. . *(Цѣлуетъ его)*

ЛАВИНСКІЙ *(подходя къ Наденькѣ).*

Прощайте, Надежда Николавна! *(Наденька стоитъ, задумавшись).*

АННА ОСИПОВНА *(вполголоса).*

Наденька, что жъ ты? Петръ Андреичъ съ тобой прощается. . .

НАДЕНЬКА *(какъ бы опомнясь).*

Прощайте, Петръ Андреичъ! *(даетъ ему руку. Съ маленькой усмѣшкой)* А знаете, о чемъ я сейчасъ думала? . .

ЛАВИНСКІЙ.

О чемъ?

НАДЕНЬКА.

О томъ, что когда я выйду за васъ замужъ, мы ужъ лучше не поѣдемъ въ Италію, а останемся здѣсь. . . *(Лавинскій цѣлуетъ ея руку. Всѣ направляются къ дверямъ и провожаютъ его).*

(Конецъ втораго дѣйствія).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

(Черезъ три мѣсяца).

Богатая гостиная на дачѣ Мартовыхъ. Приготовленія къ большому вечеру. Слуги зажигаютъ лампы. Въ открытыя двери виденъ освѣщенный садъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

БРОДКО, ЛУШИНЪ.

ЛУШИНЪ.

Лавинскій вчера пріѣхалъ?

БРОДКО.

Я самъ его видѣлъ здѣсь.

ЛУШИНЪ.

И скоро будетъ свадьба?

БРОДКО.

Черезъ недѣлю.

ЛУШИНЪ.

А признайся, тебѣ досадно, что не удалось?

БРОДКО.

Мы еще увидимъ. . . *(задумавшись)* Слушай меня хорошенько. Я знаю, ты враль и болтунъ, по мо-

жешь мнѣ помочь; у тебя есть чутье и ты мастеръ поймать на лету то, что нужно. . .

ЛУШИНЪ.

Прошу тебя, не выражайся такъ рѣзко. Дальше.

БРОДКО.

Хочешь мнѣ услужить?

ЛУШИНЪ.

Всѣмъ, чѣмъ могу. У меня къ тебѣ влеченіе. . .

БРОДКО.

И при томъ свой собственный интересъ. У насъ обоихъ не осталось ни гроша, а тутъ можно зашибить порядочный кушъ. . . Приданаго, говорятъ, тысячъ пятьдесятъ, если не больше. . .

ЛУШИНЪ.

Что ты?

БРОДКО.

Да. Дѣло вотъ въ чемъ: съ нѣкотораго времени съ Наденькой случилась большая перемѣна. Внезапный пріѣздъ Лавинскаго больше смутилъ ее, чѣмъ обрадовалъ. Она взволнована и чѣмъ то озабочена. Словомъ, она не та, что три мѣсяца тому назадъ. Вообще въ домѣ не ладно, и я увѣренъ, что всему виною Вертяевъ. . .

ЛУШИНЪ.

Не можетъ быть!

БРОДКО.

Молчи и слушай. Съ какой стати онъ бывалъ здѣсь чуть ли не каждый день, о чемъ велъ такіе длинные разговоры съ Наденькой, отчего она, въ послѣднее время, почти и не вспоминала о Лавинскомъ? Они сошлись очень близко. . . Чего добраго, дошло и до любовныхъ объясненій! Надо разузнать все подробнѣе. Сегодня день рожденія Наденьки, въ числѣ гостей будутъ, натурально, Вертяевъ и Лавинскій... Твое дѣло только въ томъ, чтобъ наблюдать за ними, не увидишь ли или не услышишь ли чего нибудь. . . Чуть что узналъ, сейчасъ говори мнѣ. А я съумѣю справиться.

ЛУШИНЪ.

Изволь. Я докажу тебѣ, какой я тонкій дипломатъ. Честное слово, останешься доволенъ!

БРОДКО.

А теперь, пока никого нѣтъ, пойдемъ въ садъ. Мнѣ надо тебѣ кое что растолковать *(уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

НАДЕНЬКА *(входитъ въ бальномъ платьѣ, задумавшись).*

Какая тоска! опять гости! опять цѣлый вечеръ ни минуты покоя! . . Придется занимать, быть любезной, танцовать... И такъ грустно сдѣлается на душѣ! Я удивляюсь, какъ могли меня интересовать танцы и свѣтская болтовня! то ли дѣло говорить съ тѣмъ, съ кѣмъ весело говорить, кто такъ хорошо понимаетъ и отгадываетъ каждое слово, каждую мысль. . . Какъ скоро пролетѣло время! . . Давно ли мы провожали Пьера въ деревню, и вотъ ужъ онъ и вернулся, и все опять по старому. . . Только по старому ли все?. . Мнѣ тяжело его видѣть, быть съ нимъ вмѣстѣ... Неужли я его меньше люблю? . . Нѣтъ, онъ все такой же ласковый, милый, добрый... Онъ не измѣнился! Но отчего же это странное, непонятное чувство? Когда я подумаю, что чрезъ недѣлю наша свадьба, мнѣ хочется плакать... и сердце замираетъ, какъ будто предчувствуетъ горе. Давно ли я сдѣлалась такой малодушной?.. *(Садится на диванъ, у стола, и смотритъ на свой букетъ)* Какія красивыя маргаритки! Вчера Пьеръ просилъ дать цвѣтокъ ему на память. . . и, странно! мнѣ вдругъ сдѣлалось смѣшно и досадно. . . досадно на него и на себя. Отчего онъ все говоритъ о любви?

Какъ будто я сама не вижу, что онъ меня любитъ! *(пожимаетъ плечами)* Что то меня ожидаетъ, когда я выйду замужъ? Жизнь такая же спокойная, беззаботная, ничѣмъ не смущаемая, какъ и теперь! . . Хотѣла бы я знать, попросилъ бы Вертяевъ цвѣтокъ на память? . . *(задумывается)*

ЯВЛЕНІЕ III.

НАДЕНЬКА, ВЕРТЯЕВЪ.

ВЕРТЯЕВЪ *(подходя къ Наденькѣ).*

Вы ужъ кончили вашъ туалетъ, Надежда Николавна? Я боялся, что приду слишкомъ рано....

НАДЕНЬКА.

Кончила. Мнѣ хотѣлось поскорѣе отдѣлаться.... Маменька еще одѣвается.

ВЕРТЯЕВЪ.

Вы о чемъ то думали...Можетъ быть, я вамъ помѣшалъ . . . хотите, я уйду?

НАДЕНЬКА.

Нѣтъ, вы не мѣшаете, когда думается . . . А вамъ нравится мое платье?

ВЕРТЯЕВЪ.

Нравится.

НАДЕНЬКА.

Чѣмъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Тѣмъ, что оно просто. Мнѣ простота во всемъ нравится; въ одеждѣ, жизни...

НАДЕНЬКА.

И въ чувствахъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

И особенно въ чувствахъ,—если они есть.

НАДЕНЬКА.

Вы опять за старое! сколько разъ я вамъ говорила, чтобъ вы не смѣли отвергать въ себѣ чувства...

ВЕРТЯЕВЪ.

Виноватъ, больше не буду . . . Старая привычка!

НАДЕНЬКА.

Я вамъ скажу новость.

ВЕРТЯЕВЪ.

Скажите.

НАДЕНЬКА.

Мнѣ скучно. Вылечите меня.

ВЕРТЯЕВЪ.

Надо прежде знать причину болѣзни.

НАДЕНЬКА.

А если ея нѣтъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Не можетъ быть. Причина всегда найдется...

НАДЕНЬКА.

Что жъ вы ничего не разскажете? Сегодня вечеромъ не будетъ времени...

ВЕРТЯЕВЪ.

Да! сегодня день пропалъ для меня. О чемъ же мнѣ говорить?

НАДЕНЬКА.

Вы видѣли Пьера послѣ того, какъ онъ у насъ былъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Нѣтъ, не видалъ. А вотъ скоро вы и замужемъ будете.

НАДЕНЬКА.

Да. Говорятъ, черезъ недѣлю.

ВЕРТЯЕВЪ.

Скажите откровенно: вы счастливы?

НАДЕНЬКА.

Скажите вы прежде: къ чему вамъ знать?

ВЕРТЯЕВЪ.

Впрочемъ, какъ же вамъ и не быть счастливой, когда вы идете замужъ за человѣка, который вамъ нравится!..

НАДЕНЬКА.

А если бы я шла за человѣка, который мнѣ не нравится, развѣ вамъ не все равно?

ВЕРТЯЕВЪ.

Нѣтъ, не все равно, потому что я желаю вамъ счастія, Надежда Николавна, и желаю его отъ всей души, отъ всего сердца!.. Вы его стоите.

НАДЕНЬКА *(усмѣхнувшись)*.

Въ самомъ дѣлѣ? *(Молчаніе)*.

ВЕРТЯЕВЪ.

Я думаю, что въ послѣдній разъ вижусь съ вами...

НАДЕНЬКА *(вставая)*.

Отчего?

ВЕРТЯЕВЪ.

Оттого, что надо ѣхать . . . и . . . надолго...

НАДЕНЬКА.

Какъ же вы объ этомъ прежде ничего не говорили?.. Съ какой стати такое рѣшеніе?..

ВЕРТЯЕВЪ.

Здѣсь я ничѣмъ не занимаюсь, весь излѣнился. . . Не знаю, что со мной сдѣлалось . . . Работа нейдетъ на умъ, дѣло изъ рукъ валится, за что ни возьмусь, ни къ чему охоты нѣтъ . . . Словно кто сглазилъ меня! . . *(Смѣясь).* Не будь я увѣренъ въ себѣ, я бы подумалъ, что я . . . что у меня пропала энергія!

НАДЕНЬКА *(потупивъ глаза).*

Вы говорите, что ѣдете . . . и вамъ ни кого не будетъ жаль? . . .

ВЕРТЯЕВЪ.

Что жъ изъ того, если бъ и было мнѣ жаль? Меня никто не пожалѣетъ, да и кому меня жалѣть? Я привыкъ къ своей ношѣ . . . Пойду съ ней опять. А здѣсь я, какъ лишній гость на чужомъ обѣдѣ: приду, такъ развѣ взглянутъ изъ любопытства, а уйду — никто и не замѣтитъ . . . Кому меня жалѣть!

НАДЕНЬКА.

И вы надолго ѣдете?

ВЕРТЯЕВЪ.

Не знаю . . . Я ѣду оттого, что за границей найду больше средствъ заниматься . . приготовлюсь къ экзамену . . . Буду трудиться не только для се-

бя, но и для денегъ . . . Потомъ поѣду къ отцу въ деревню . . . Онъ зоветъ меня къ себѣ, онъ ужъ старъ, ему нужна подпора . . . Вы видите, что я не могу и не долженъ оставаться...

НАДЕНЬКА *(глядя на него).*

Да?

ВЕРТЯЕВЪ.

Въ самомъ дѣлѣ . . . я говорю правду...

НАДЕНЬКА.

Правду?

ВЕРТЯЕВЪ.

Къ чему же мнѣ скрывать? . . Вы и не думаете, чтобъ я могъ скрывать . . . Я вамъ сказалъ это сегодня . . . потому что . . . Мнѣ больше не придется васъ видѣть и . . . *(Наденька медленно приближается къ дверямъ и останавливается, глядя на него)* я хотѣлъ предупредить васъ теперь . . *(Съ отчаяніемъ)* Сердце наболѣло!

НАДЕНЬКА.

Останьтесь! *(Быстро скрывается въ дверяхъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВЕРТЯЕВЪ *(въ большомъ волненіи).*

Что она сказала?..Остаться! для чего? для чего ей надо, чтобъ я остался? Не все ли ей равно?..

Нѣтъ, Богъ съ ними со всѣми! Что я буду здѣсь дѣлать? тоже, что и теперь... Она хочетъ знать, зачѣмъ я ѣду. . . Къ чему эти вопросы, что за объясненія!.. Мнѣ стыдно передъ самимъ собой. . . Неужли. . . нѣтъ, это вздоръ, объ этомъ нечего и думать! . . Вертяевъ, посмотри на самого себя! пристало ли это къ тебѣ? . . Гдѣ же воля? А Лавинскій? И мнѣ не стыдно будетъ передъ нимъ? . . Нѣтъ ѣхать скорѣе, безъ всякихъ прощаній! . . *(подходитъ къ дверямъ и встрѣчается съ Лавинскимъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

ВЕРТЯЕВЪ, ЛАВИНСКІЙ.

ЛАВИНСКІЙ.

Ты куда?

ВЕРТЯЕВЪ.

Я...въ садъ.

ЛАВИНСКІЙ.

А Наденька гдѣ? ты ее видѣлъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Да . . . не . . . знаю. . .

ЛАВИНСКІЙ.

Что съ тобою? ты какъ будто встревоженъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Что за пустяки! мнѣ просто не здоровится и я хотѣлъ сейчасъ ѣхать домой.

ЛАВИНСКІЙ.

Это будетъ неловко . . . Не случилось ли чего нибудь? . .

ВЕРТЯЕВЪ.

Развѣ можетъ что нибудь случиться? какой ты странный!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже, **НАДЕНЬКА** *(быстро входитъ и, увидѣвъ Лавинскаго, останавливается въ смущеніи).*

ЛАВИНСКІЙ.

Надежда Николавна, скажите, что сдѣлалось съ Вертяевымъ?—Отъ него не добьешься толку. . .

ВЕРТЯЕВЪ *(съ досадою).*

Перестань, пожалуйста! . . Стоитъ ли объ этомъ говорить! . .

ЛАВИНСКІЙ *(Наденькѣ).*

Я васъ искалъ, Надежда Николавна . . . Я такъ много скучалъ въ деревнѣ, что хочу вознаградить себя хоть за это . . . *(Смотря на нее и подходя къ ней).* Но, скажите, что съ вами? вы какъ будто смущены . . . *(беретъ ее за руку)* Ради Бога. . .

НАДЕНЬКА *(съ усиліемъ).*

Ничего, ничего, Петръ Андреичъ. . . Я. . .

ЛАВИНСКІЙ *(задумавшись).*

Странно! ...

НАДЕНЬКА.

Вы еще не видѣли маменьки?

ЛАВИНСКІЙ.

Нѣтъ.

НАДЕНЬКА.

Она въ саду и ждетъ васъ. . .

ЛАВИНСКІЙ.

Я еще успѣю, Надежда Николавна. Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами. . .

НАДЕНЬКА.

Нѣтъ, идите лучше. . . Маменька, пожалуй, разсердится. . .

ЛАВИНСКІЙ.

Дѣлать нечего! . . Вертяевъ, ты идешь?

ВЕРТЯЕВЪ.

Да, я. . . *(Наденька дѣлаетъ украдкою знакъ)* Я. . . жду Лунина. . . Впрочемъ я за тобой. . . *(Лавинскій, пожимая плечами, уходитъ. Наденька направляется къ дверямъ своей комнаты, потомъ быстро подходитъ къ Вертяеву).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВЕРТЯЕВЪ, НАДЕНЬКА, ПОТОМЪ **ЛУШИНЪ.**

НАДЕНЬКА.

Иванъ Михайловичъ, у меня къ вамъ просьба... только я не знаю, какъ сказать. . . *(Вертяевъ останавливается въ недоумѣніи)* Я хочу, я должна объясниться съ Лавинскимъ. . . Я написала письмо и прошу васъ передать ему. . . только непремѣнно завтра. . . слышите ли, завтра. . . Пусть сегодня онъ будетъ спокоенъ, ни передъ кѣмъ не выкажетъ своей тревоги. . . Наконецъ я не въ силахъ сегодня говорить съ нимъ! . . Онъ начнетъ распрашивать, умолять. ... Нѣтъ, письмо лучше всего. Я вамъ кажусь странной? вы удивляетесь моему поступку. . . но я должна такъ поступать. . . Согласны ли вы отдать письмо?

ВЕРТЯЕВЪ.

Да.

НАДЕНЬКА.

И отдать его завтра?

ВЕРТЯЕВЪ.

Да.

НАДЕНЬКА.

Честное слово?

ВЕРТЯЕВЪ.

Къ чему? Я честный человѣкъ и отдамъ письмо Лавинскому завтра. *(Лушинъ входитъ въ гостиную, но увидя Вертяева и Наденьку, останавливается въ дверяхъ и прислушивается къ разговору.)*

НАДЕНЬКА.

Хорошо. Я вполнѣ на васъ полагаюсь, Иванъ Михайловичъ. . . Возьмите. . . *(вынимаетъ письмо и даетъ его Вертяеву).*

ЛУШИНЪ *(въ сторону).*

Письмо! . . Брависсимо! Разсказать скорѣе Борису Антонычу! *(Уходитъ).*

НАДЕНЬКА.

Теперь мнѣ надо идти къ гостямъ. . . Боюсь, чтобъ имъ не показалось страннымъ. . . Вы не разсердитесь, если я васъ оставлю?

ВЕРТЯЕВЪ.

А мнѣ. . . можно идти съ вами?

НАДЕНЬКА *(улыбаясь).*

Пойдемте. . . *(уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

БРОДКО, ЛУШИНЪ *(входятъ, смотря имъ въ слѣдъ).*

БРОДКО.

И ты самъ видѣлъ, какъ она отдала ему письмо?

ЛУШИНЪ.

Собственными глазами видѣлъ, честное слово!

БРОДКО.

Что же она ему сказала?

ЛУШИНЪ.

Я пришелъ къ концу и не могъ всего разслышать. . . Она ему сказала: возьмите. . . я вполнѣ на васъ полагаюсь. . . полагаюсь. . . гмъ! . ну и... больше ничего.

БРОДКО *(смотря ему въ глаза)*.

И ты не врешь на этотъ разъ?

ЛУШИНЪ.

Ей Богу, не вру! За кого ты меня принимаешь?

БРОДКО.

Ну, хорошо. . . Теперь твое дѣло сторона. . . Я тебѣ совѣтую только не слишкомъ много болтать. *(Смотритъ въ дверь)*. Вотъ и Лавинскій кстати идетъ сюда. Оставь меня съ нимъ. . . *(Лушинъ уходитъ)*. Посмотримъ, Петръ Андреичъ, какъ то вы примете извѣстіе о перепискѣ вашей невѣсты!..Стоитъ хорошенько воспользоваться этимъ случаемъ и тогда дѣло будетъ обдѣлано. . .

ЯВЛЕНІЕ IX.

БРОДКО, ЛАВИНСКІЙ.

БРОДКО.

Вы кого то ищете, Петръ Андреичъ? не невѣсту ли?

ЛАВИНСКІЙ.

Да. А вы ее видѣли?

БРОДКО.

Нѣтъ, не видалъ. Она, вѣроятно, въ саду съ вашимъ другомъ, господиномъ Вертяевымъ.

ЛАВИНСКІЙ *(серьозно)*.

Отчего же именно съ нимъ?

БРОДКО.

Оттого, что вашихъ друзей она, безъ сомнѣнія, считаетъ своими друзьями. Впрочемъ, можетъ быть, я и ошибаюсь.

ЛАВИНСКІЙ *(садясь)*.

Если есть возможность ошибаться, то очень странно дѣлать такія предположенія. . .

БРОДКО *(улыбаясь)*.

Вы меня не такъ поняли: я ошибаюсь, можетъ быть, въ вашихъ отношеніяхъ къ Вертяеву, а не въ его отношеніяхъ къ Надеждѣ Николаввнѣ.

ЛАВИНСКІЙ.

Какія же могутъ быть эти отношенія? вѣроятно, такія же, какъ ваши, какъ всякаго другаго...

БРОДКО.

Вы дѣлаете слишкомъ большую честь и мнѣ, и всѣмъ другимъ.

ЛАВИНСКІЙ.

Это что значитъ?

БРОДКО.

То, что я былъ бы очень радъ, если бъ Надежда Николаевна смотрѣла на меня такими глазами, какъ на г. Вертяева.

ЛАВИНСКІЙ.

Знаете, что это наконецъ становится скучно? Я вообще не охотникъ до шарадъ. Вамъ, кажется, угодно дѣлать, какіе то намеки на то, о чемъ я не желалъ бы разсуждать. Впрочемъ я ужъ давно замѣтилъ и оцѣнилъ ваши дипломатическія способности;—съ того дня, когда, помните, вы пріѣзжали ко мнѣ съ цѣлью вывѣдать мое мнѣніе о Надеждѣ Николавнѣ. Во всякомъ случаѣ, я не намѣренъ служить вамъ пробнымъ камнемъ и поэтому позвольте съ вами раскланяться, къ крайнему моему прискорбію *(направляется къ дверямъ).*

БРОДКО *(въ слѣдъ).*

Вы затыкаете уши, чтобъ не слышать! . .

ЛАВИНСКІЙ *(возвращается).*

Понимаете ли вы, что это мнѣ надоѣло! Я васъ прошу объяснить мнѣ, что вамъ угодно. *(Смѣясь)* я глупо дѣлаю, что начинаю сердиться. Ваши силки изъ бѣлыхъ нитокъ, Борисъ Антонычъ! Какой вы шутникъ! Вѣрно, до сихъ поръ еще не могли примириться съ участью отвергнутаго обожателя, и строите злостные ковы!.. Это совершенно мелодраматично! но, признаюсь, я никакъ не думалъ, чтобъ вы были до такой степени... наивны.

БРОДКО.

Смѣйтесь, смѣйтесь, сколько душѣ угодно! Положимъ, я отвергнутый обожатель, строю злостные ковы,—все, что хотите... Но если фактъ существуетъ, то онъ отъ этого нисколько не измѣнится и вамъ ничуть не легче.

ЛАВИНСКІЙ.

Я съ вами не шучу!.. Извольте говорить сейчасъ же... Я васъ заставлю...

БРОДКО.

Заставить вы меня не можете... Но отчего же и не сказать! Извольте. Надежда Николавна, на

моихъ глазахъ, сегодня, передъ вашимъ приходомъ, передала потихоньку записку Вертяеву... Довольно?

ЛАВИНСКІЙ *(задыхаясь).*

Вы лжете!

БРОДКО.

Вы внѣ себя и я не обижаюсь. Спросите сами Вертяева и посмотрите, что онъ скажетъ.

ЛАВИНСКІЙ.

Не можетъ быть!.. я не вѣрю.... Вы сами выдумали такую низость...

БРОДКО.

Удостовѣрьтесь въ справедливости моихъ словъ. Угодно, я вамъ теперь же пришлю Вертяева? *(Лавинскій не отвѣчаетъ).* До пріятнаго свиданія.

ЛАВИНСКІЙ

Если вы солгали, даю вамъ честное слово, что раздавлю васъ какъ гадину!

БРОДКО.

Поговорите сами съ Вертяевымъ, и тогда, вѣроятно, вы попросите у меня извиненія *(уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ X.

ЛАВИНСКІЙ.

Онъ навѣрное выдумалъ... Какъ же я ничего не замѣтилъ? Впрочемъ Наденька, въ самомъ дѣлѣ, измѣнилась... И Вертяевъ сдѣлался какимъ то страннымъ!... Да, да!... Тутъ навѣрное что нибудь да есть. Что если это правда? Тогда все погибло, все разбито въ дребезги! вся жизнь потеряна... Я никогда не буду въ силахъ забыть ее. А онъ? Этотъ честный человѣкъ, этотъ искренній другъ! Впрочемъ какой онъ мнѣ другъ! онъ самъ говоритъ, что нѣтъ дружбы... Но кто могъ ожидать, что такой человѣкъ съумѣетъ такъ вкрасться въ довѣренность, такъ низко воспользоваться своимъ положеніемъ!.. А, вотъ и онъ! Слава Богу, всѣ сомнѣнія мои разрѣшатся!..

ЯВЛЕНІЕ XI.

ЛАВИНСКІЙ, ВЕРТЯЕВЪ.

ВЕРТЯЕВЪ.

Ты меня звалъ?

ЛАВИНСКІЙ.

Гдѣ ты былъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Въ саду, съ Лизаветой Осиповной и гостями. Ты

хотѣлъ о чемъ то меня спросить?.. мнѣ говорилъ Бродко, что...

ЛАВИНСКІЙ *(смотря на него пристально).*

Я хотѣлъ тебя спросить, честный ли ты человѣкъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Я не давалъ никому повода сомнѣваться... Но что за вопросъ? ты меня удивляешь!

ЛАВИНСКІЙ.

Отдай письмо!

ВЕРТЯЕВЪ.

Письмо! какое письмо?

ЛАВИНСКІЙ.

Которое тебѣ дала Надежда Николавна.

ВЕРТЯЕВЪ.

Кто тебѣ сказалъ?

ЛАВИНСКІЙ.

А! значитъ, это правда! Отдай письмо, говорю тебѣ!...

ВЕРТЯЕВЪ.

Успокойся и выслушай меня хладнокровно... Стану ли я тебя обманывать! Письмо не ко мнѣ, а къ тебѣ...

ЛАВИНСКІЙ.

Тѣмъ скорѣе ты долженъ отдать... Наконецъ, что за переписка,—я этого не понимаю...

ВЕРТЯЕВЪ.

Ты получишь его завтра... Я такъ обѣщался Надеждѣ Николавнѣ.

ЛАВИНСКІЙ.

Я не хочу ничего знать...

ВЕРТЯЕВЪ.

Не горячись... Надежда Николавна не хочетъ, слышишь ли, не хочетъ, чтобъ ты прочелъ его сегодня. Я не могу не сдержать обѣщанія.

ЛАВИНСКІЙ.

Хорошъ повѣренный! и съ какой статьи она тебя выбрала? развѣ она не могла прямо мнѣ сказать?.. Это, очевидно, ложь! Письмо къ тебѣ и, очень можетъ быть, не въ первый разъ...

ВЕРТЯЕВЪ.

Петръ Андреичъ!

ЛАВИНСКІЙ.

Я вамъ говорю, что это ложь! Вы не хотите показать его, потому что боитесь и надѣетесь до завтра выиграть время... уговорить вашу... вашего

друга написать другое, въ замѣнъ стараго, и показать его мнѣ. Но эти хитрости всѣмъ извѣстны и ими трудно провести!

ВЕРТЯЕВЪ.

Перестань, прошу тебя! Это становится жалко!

ЛАВИНСКІЙ.

Не жалко, а безсовѣстно! И ты еще смѣешь, не краснѣя, смотрѣть мнѣ въ лицо?

ВЕРТЯЕВЪ

Опомнитесь! я васъ прошу подождать до завтра. Одинъ день ничего не значитъ. Завтра утромъ я буду у васъ и отдамъ письмо, ручаюсь вамъ честью...

ЛАВИНСКІЙ.

Я сказалъ, что не вѣрю... Кто мнѣ поручится, что я получу тоже самое письмо?.. Послушай: въ свою очередь, я прошу тебя... Отъ этого зависитъ мое спокойствіе, мое счастіе. Если ты говоришь правду,—не все ли равно, что сегодня, что завтра?

ВЕРТЯЕВЪ.

Я обѣщался—не могу.

ЛАВИНСКІЙ.

Въ послѣдній разъ, я требую, чтобъ вы отдали это письмо,—да или нѣтъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Не могу.

ЛАВИНСКІЙ *(съ бѣшенствомъ).*

Такъ я знаю, что мнѣ дѣлать! *(Подходя къ нему)* Послѣ этого, знайте, что вы.....

ВЕРТЯЕВЪ *(схвативъ его за руку).*

Тише!.... Подумай о Надеждѣ Николавнѣ!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же, **ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА, АННА ОСИПОВНА, НАДЕНЬКА, ЛУШИНЪ, БРОДКО, ГОСТИ** *(Лавинскій въ сторонѣ).*

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА *(опускаясь томно на диванъ).*

Ахъ, какъ я устала! весь садъ обошла. Лушинъ, вы устали?

ЛУШИНЪ *(подбѣгая).*

Мнѣ устать? Я никогда не устаю! Еще вчера прошелъ къ Сергію туда и назадъ пѣшкомъ.

НАДЕНЬКА.

Мы, кажется, видѣли васъ вчера въ городѣ?

ЛУШИНЪ.

А! это было, вѣрно, ужъ послѣ Сергія.

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Лушинъ, вы видѣли у меня М-г Горленко?

ЛУШИНЪ.

Нѣтъ-съ, не видалъ. А что?

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Какъ же это можно! вы...познакомьтесь съ нимъ.

ЛУШИНЪ *(подобострастно)*.

Очень хорошо-съ. Только для чего же?

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА *(съ удивленіемъ)*.

Помилуйте! у него сестры дѣвицы и дядя тайный совѣтникъ....

ЛУШИНЪ *(живо)*.

Скажите, пожалуйста! познакомлюсь, непремѣнно познакомлюсь.

АННА ОСИПОВНА *(Надинькѣ)*.

Ты какъ то не весела сегодня, Наденька.

НАДЕНЬКА.

Нѣтъ, тетушка. Я немножко устала.

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Знаешь, Наденька, Лушинъ дирижируетъ мазуркой. Ты ангажирована?

НАДЕНЬКА.

Нѣтъ.

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Такъ пусть Лушинъ танцуетъ съ тобой *(Лушинъ кланяется).*

НАДЕНЬКА.

Съ удовольствіемъ.

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

А вы танцуете, Иванъ Михайловичъ?

ВЕРТЯЕВЪ *(оправляясь отъ смущенія).*

Нѣтъ, Лизавета Осиповна: не умѣю, да и не желаю танцовать.

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Это жаль. Молодому человѣку необходимо танцовать.

ВЕРТЯЕВЪ.

Я не жалѣю, что не танцую. Наша страсть къ танцамъ доказываетъ только то, что мы еще не нашли занятія, которое бы не было такъ пусто.... Неужли нельзя выдумать ничего умнѣе!

ЛАВИНСКІЙ *(выходя на авансцену и оборачиваясь къ Вертяеву).* Это наконецъ странно, Иванъ Михайловичъ, чтобъ не сказать болѣе! Ваше замѣ-

чаніе особенно неумѣстно въ ту минуту, когда вы только что слышали, какъ Надежда Николавна приняла приглашеніе г. Лушина.

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА *(нѣсколько встревоженная).*

Но Иванъ Михайловичъ сказалъ это безъ всякаго намѣренія.... *(Наденька начинаетъ прислушиваться).*

ЛАВИНСКІЙ.

Я допускаю, что безъ намѣренія. Но скорѣе можно смѣяться надъ чѣмъ нибудь другимъ, что болѣе заслуживаетъ насмѣшки. Танцы вездѣ приняты.... Гораздо смѣшнѣе, напримѣръ, человѣкъ, который похожъ на донъ-Кихота, сражающагося съ вѣтряными мельницами.... *(Смотря на Вертяева).* Вы сами, вѣроятно, видѣли этому примѣры... Очень часто случается, что въ порядочное семейство вдругъ втирается человѣкъ, неизвѣстно откуда, который принимаетъ на себя роль грознаго карателя общественныхъ недостатковъ, смѣется надъ всѣмъ и всѣми, бранитъ все съ плеча и не замѣчаетъ, что прежде, чѣмъ исправлять общество, ему слѣдовало бы поучиться самому, какъ вести себя въ немъ. Ему нѣтъ дѣла до приличій—онъ ими не стѣсняется! Онъ оскорбитъ нарочно все, что есть завѣтнаго и святаго, съ цѣлью показать, что это для него ни-

чего не значитъ. Онъ выказывается стоикомъ и педантомъ; онъ хвастается цинизмомъ, онъ рѣзокъ до дерзости, откровененъ до наглости, грубъ до безобразія! И все это въ силу чего? Чтобъ показать, что онъ выше другихъ, что другіе для него пигмеи, а онъ великанъ!... Господинъ Вертяевъ, какъ вы находите, вѣренъ этотъ портретъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Будьте безпристрастны

НАДЕНЬКА.

Петръ Андреичъ!

ЛАВИНСКІЙ *(подходя къ Вертяеву).*

И все ему прощаютъ, потому что онъ беретъ нахальствомъ, все позволяютъ, потому что боятся его остановить... О, эти господа ловко пользуются своимъ положеніемъ! Они себѣ на умѣ. Какъ знать! Можетъ быть, на своей грязной дорогѣ, они встрѣтятъ неопытную дѣвушку, которая приметъ всю эту мишуру за чистую монету и, въ чистотѣ своей души, повѣритъ на слово гаеру, бьющему на эффектъ!... Съ него этого довольно! опуталъ горячую молодую голову, совершилъ великое дѣло перерожденія! И счастье, если найдется другой человѣкъ, который разгадаетъ этого шарлатана, и, правый

чистотою своихъ намѣреній, подойдетъ къ нему, какъ я подхожу теперь къ вамъ, господинъ Вертяевъ, и скажетъ ему, какъ я говорю вамъ: вонъ изъ этого честнаго дома, куда вы хотѣли внести раздоръ, несчастье и горе! вонъ изъ этого честнаго семейства, гдѣ наглецамъ нѣтъ мѣста!

НАДЕНЬКА *(схвативъ Вертяева за руку).*

Ни слова! не отвѣчайте ничего... Мнѣ дурно!...

ЛИЗАВЕТА ОСИПОВНА.

Петръ Андреичъ! Что съ вами!... *(тихо Бродко)* Ради Бога, прекратите эту сцену!

БРОДКО *(въ сторону).*

Теперь можно!... *(вдали слышна музыка)* Надежда Николавна, вы обѣщали мнѣ эту кадриль...*(Гостямъ)* Господа, ангажируйте дамъ.

ЛУПИНЪ.

Батюшки! у меня дамы нѣтъ! *(Гости уходятъ, за ними Бродко съ Наденькой, Лизавета и Анна Осиповны).*

ВЕРТЯЕВЪ *(подходя къ Лавинскому).*

Благодарите меня, что я уѣзжаю, Петръ Андреичъ. Иначе вамъ было бы стыдно взглянуть мнѣ въ лицо!

ЛАВИНСКІЙ.

Завтра утромъ у васъ будутъ мои посланные. Они вамъ объяснятъ то, чего вы не понимаете.... *(Вертяевъ уходитъ. Лушинъ направляется къ дверямъ. Лавинскій его останавливаетъ.)* Останься на минуту.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ЛАВИНСКІЙ, ЛУШИНЪ, потомъ **БРОДКО.**

ЛАВИНСКІЙ.

Я надѣюсь, ты понялъ, къ кому относились мои слова?

ЛУШИНЪ.

Ты однако ловко отдѣлалъ Вертяева!... Признаюсь, онъ мнѣ давно не нравился...

ЛАВИНСКІЙ.

Ты былъ свидѣтелемъ этой сцены... и согласишься со мною, что это дѣло не можетъ такъ кончиться.

ЛУШИНЪ *(пожимая ему руку).*

Я всегда считалъ тебя благороднымъ человѣкомъ, и теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь... *(Простодушно)* Я думаю, Вертяевъ ужасно золъ на тебя.

ЛАВИНСКІЙ.

Мнѣ все равно! О примиреніи тутъ не можетъ быть рѣчи. Остается только одно—стрѣляться.

ЛУШИНЪ *(вздрогнувъ).*

Да... т. е. какъ стрѣляться? изъ такихъ пустяковъ!

ЛАВИНСКІЙ.

Я удивляюсь, какъ ты можешь называть это пустяками,—особенно ты, который такъ щепетиленъ въ дѣлахъ чести!

ЛУШИНЪ.

О! за честь я готовъ жертвовать всѣмъ... Ты это очень хорошо знаешь. Но все таки стрѣляться...

ЛАВИНСКІЙ.

Я ни за что не измѣню рѣшенія. И вотъ о чемъ я хотѣлъ тебя просить: мнѣ нуженъ секундантъ...

ЛУШИНЪ *(перебивая его).*

И ты хочешь, чтобъ я нашелъ? Не знаю, право, кого бы...

ЛАВИНСКІЙ.

Искать не нужно: секундантомъ будешь ты.

ЛУШИНЪ *(струсивъ).*

Какъ я?

ЛАВИНСКІЙ.

Ты. Кого же мнѣ и выбрать, какъ не тебя? Ты столько разъ бывалъ самъ на дуэли, знаешь всѣ правила, всѣмъ распорядишься... Надѣюсь, ты по-

можешь мнѣ въ этомъ затруднительномъ положеніи. . .

ЛУШИНЪ *(еле держась на ногахъ).*

Какъ же такъ вдругъ... Я совсѣмъ не приготовился... и вдругъ секундантомъ! Я завтра отозванъ... на рыбную ловлю... и цѣлый день буду занятъ...

ЛАВИНСКІЙ.

Помилуй! какая тутъ рыбная ловля, когда дѣло идетъ о жизни и смерти!.. Отвѣчай мнѣ прямо: ты согласенъ или нѣтъ?

ЛУШИНЪ *(умоляющимъ тономъ).*

Петя! лучше помирись... умоляю тебя, хоть для меня!..

ЛАВИНСКІЙ.

Перестань пожалуйста! это смѣшно... Ну чтожъ?

ЛУШИНЪ.

Я бы съ удовольствіемъ... только, ей Богу, нельзя...

ЛАВИНСКІЙ.

Отчего нельзя? ты боишься что ли?

ЛУШИНЪ.

Нельзя... потому что я... не могу, право не могу, Лавинскій... Есть особенная причина...

ЛАВИНСКІЙ.

Какая же наконецъ причина?

ЛУШИНЪ.

Видишь ли, я очень страдаю нервами... Я боюсь... т. е. не боюсь... а звукъ пистолетнаго выстрѣла можетъ мнѣ повредить... Уволь меня, голубчикъ Петя!.. *(Бродко показывается въ дверяхъ).*

ЛАВИНСКІЙ.

Ты просто трусишь!.. И я хорошъ,—вздумалъ тебя просить въ секунданты! Только теперь я не знаю, какъ же мнѣ быть? кого просить?.. *(задумывается).*

БРОДКО *(подходя къ Лавинскому).*

Петръ Андреичъ, угодно я буду вашимъ секундантомъ?

ЛАВИНСКІЙ *(смотритъ на него).*

Благодарю васъ. Вы меня очень обяжете.

БРОДКО.

И такъ рѣшено?

ЛАВИНСКІЙ.

Рѣшено.

БРОДКО.

Завтра утромъ, въ семь часовъ, ждите меня къ себѣ. А теперь пойдемте танцовать!

(Конецъ третьяго дѣйствія).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Кабинетъ Лавинскаго. Пять часовъ утра. Лавинскій сидитъ у письменнаго стола и оканчиваетъ письмо. На столѣ догорѣвшая свѣча и ящикъ съ пистолетами. Сквозь опущенныя занавѣсы пробивается утренній свѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛАВИНСКІЙ.

Кажется, ничего не забылъ. Вотъ письмо къ матушкѣ... Если она получитъ его, бѣдная старушка не выдержитъ удара!.. Больше писать мнѣ некому. Наденькѣ теперь все равно. Ея мысль не обо мнѣ, мольба не за меня. Разсчетъ съ жизнью конченъ, и я готовъ стать передъ дуломъ пистолета безъ самохвальства и безъ трусости... А вчера? могъ ли я думать, что пробужденіе будетъ такъ тяжело!.. *(Встаетъ)* Я усталъ... голова кружится, сердце ноетъ и болитъ, но я буду твердъ... Да! я въ этомъ увѣренъ. Я долженъ былъ притворяться, казаться спокойнымъ предъ сотнею пытливыхъ взглядовъ, разувѣрять добрую Лизавету Осиповну... Теперь, слава Богу, комедія кончена! Что то будетъ? Я знаю, онъ смѣлъ и рѣшителенъ: рука его не дрогнетъ. Еще часъ—и вся жизнь разыграется... *(Смотритъ на портретъ, стоящій на столѣ)* Вотъ портретъ матушки... Она здѣсь какъ живая!.. Тѣ же

дорогія черты, таже милая, добродушная улыбка, тотъ же ласковый взглядъ!.. *(Цѣлуетъ его)* Прощай, родная моя! Ты и не предчувствуешь, что скоро, можетъ быть, надѣнешь трауръ... Но ты не будешь винить меня... Ты узнаешь, что я не могъ поступать иначе и, навѣрное, простишь меня и помолишься обо мнѣ!.. *(Падаетъ въ кресло и задумывается).*

ЯВЛЕНІЕ II.

ЛАВИНСКІЙ, НАДЕНЬКА *(быстро входитъ въ комнату, едва удерживаясь отъ волненія, и сбрасываетъ съ лица вуаль).*

НАДЕНЬКА.

Вы меня не узнали?.. Да, это я! я пришла умолять васъ о прекращеніи вашей ссоры... Не отпирайтесь! ради Бога, выслушайте меня!.. Но я не знаю... я не знаю, что вамъ сказать, какъ умолить васъ! У меня только одна мысль... мысль, чтобъ вы помирились... я все знаю, мнѣ Лунинъ все разсказалъ... Вы хотите стрѣляться... Молчите! я вамъ говорю, что все знаю!.. Я пріѣхала въ каретѣ, вмѣстѣ съ моей дѣвушкой... Маменька ничего не подозрѣваетъ... Цѣлый вечеръ я думала только о томъ, какъ уговорить васъ... Мы ѣдемъ за границу... на дняхъ... Пріѣзжайте туда, слышите, прі-

ѣзжайте непремѣнно!.. Я буду таже, что и прежде... Ради Бога, умоляю васъ на колѣняхъ!.. Господи! я не знаю, что мнѣ дѣлать, что говорить!

ЛАВИНСКІЙ.

Наденька! успокойтесь! придите въ себя... Сядьте здѣсь... вамъ нечего бояться... Перестаньте, прошу васъ... *(Усаживаетъ ее въ кресло).*

НАДЕНЬКА.

Я не могу... У меня сердце замерло, когда я услышала... Только что уѣхали гости, я велѣла заложить потихоньку карету и поѣхала къ вамъ... Пусть говорятъ, что хотятъ, мнѣ не до того!.. Скажите, что вы исполните мою просьбу!.. Скажите только это, и я буду благословлять васъ всю мою жизнь!..

ЛАВИНСКІЙ.

Но это письмо! письмо! вѣдь это правда?

НАДЕНЬКА.

Я всему виною... письмо было къ вамъ. Онъ честный человѣкъ, Петръ Андреичъ! онъ сдержалъ обѣщаніе, какъ ни тяжело было ему!

ЛАВИНСКІЙ.

Но что же было въ этомъ письмѣ?

НАДЕНЬКА.

Я просила васъ отсрочить нашу свадьбу... Я еще не довольно испытала себя... не могу ручаться, что вы будете со мною счастливы... Но это ничего, все будетъ опять по старому, Петръ Андреичъ, какъ было прежде, до вашего отъѣзда!.. Дайте только время... Пройдетъ мѣсяца два, три, и я буду въ состояніи оцѣнить васъ... Не принуждайте меня!.. Я не въ силахъ рѣшиться... Клянусь вамъ, я несчастнѣе васъ! . .

ЛАВИНСКІЙ.

Отчего вы не хотите прямо сказать, что не любите меня?

НАДЕНЬКА.

Я ничего не знаю и ничего не понимаю! . . *(Опирается на столъ и видитъ ящикъ съ пистолетами)* А! . . Дуэль! *(Схватываетъ его за руку)* Отвѣчайте же! я не перенесу этого! . .

ЛАВИНСКІЙ.

Но если бы я и хотѣлъ отказаться отъ дуэли, Наденька, теперь ужъ поздно. Вертяевъ не проститъ оскорбленія, и я не могу жертвовать честью...

НАДЕНЬКА *(горько улыбаясь)*.

Да! честь! . . это великое слово! О, вы безчеловѣчны! Вы оскорбили человѣка и, можетъ быть, убьете его. Этого требуетъ ваша честь?

ЛАВИНСКІЙ.

Но что же мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать?

НАДЕНЬКА.

Дѣлать такъ, какъ велитъ ваша совѣсть! . . Вы оскорбили безъ всякаго права, вы должны просить прощенія.

ЛАВИНСКІЙ.

Мнѣ! мнѣ просить прощенія? . . За кого вы меня принимаете?

НАДЕНЬКА.

Да! этого требуетъ правда и совѣсть! .

ЛАВИНСКІЙ.

Но понимаете ли вы, что я буду обезчещенъ предъ всѣми, что я не вынесу такого позора! . .

НАДЕНЬКА.

А! въ васъ нѣтъ сердца! . . Теперь это я вижу: чтобъ самому быть спокойнымъ, вы скорѣе убьете другаго. Нѣтъ, вы не такъ понимаете исполненіе долга, какъ Вертяевъ! . .

ЛАВИНСКІЙ *(внѣ себя).*

Не говорите мнѣ о немъ! ни слова! . . Я видно былъ правъ . . . теперь все понятно! . . Сбросьте маску, Надежда Николавна! вы его любите!

НАДЕНЬКА.

Я?

ЛАВИНСКІЙ.

Я вижу . . . Довольно притворяться! и послѣ этого, я буду щадить этого человѣка! Нѣтъ, Надежда Николавна, вы боитесь не за меня, а за него, вы дрожите, что онъ будетъ убитъ, а не я, вы умоляете о примиреніи не для меня, но для него . . . Все онъ! и вездѣ онъ! О, я ненавижу этого человѣка!

НАДЕНЬКА.

Но знаете ли вы, что я умру! . . и если . . .

ЛАВИНСКІЙ.

Сюда идутъ! Надежда Николавна! Подумайте о себѣ . . Васъ могутъ застать . . .

НАДЕНЬКА.

Боже мой! . .

ЛАВИНСКІЙ *(отворяетъ дверь направо)*.

Скорѣе сюда, въ гостиную! Тамъ есть ключъ, другой выходъ . . . Васъ никто не увидитъ . . . Скорѣй, скорѣй! . . *(увлекаетъ ее направо, потомъ садится къ письменному столу, спиною къ дверямъ)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЛАВИНСКІЙ, ВЕРТЯЕВЪ *(блѣдный и разстроенный).*

ВЕРТЯЕВЪ *(тихо подходя къ Лавинскому).*

Петръ Андреичъ!

ЛАВИНСКІЙ *(вздрагиваетъ).*

Вертяевъ! *(встаетъ).*

ВЕРТЯЕВЪ.

Петръ Андреичъ, я пришелъ вамъ сказать, что не буду съ вами стрѣляться.

ЛАВИНСКІЙ.

Не будете? я не думалъ, чтобъ вы были трусъ!..

ВЕРТЯЕВЪ.

Я не трусъ . . . вы это хорошо знаете. Я сталъ бы съ вами стрѣляться тогда, когда одинъ изъ насъ мѣшалъ бы жить другому на свѣтѣ . . . Въ такомъ случаѣ, дуэль была бы лучшимъ средствомъ отдѣлаться одному отъ другаго . . . Но мстить вамъ я не хочу и не буду. Вы скажете, что нанесенное мнѣ оскорбленіе я могу смыть только кровью? Неправда. Я оскорбленъ и я же за то рискую лишиться жизни! Гдѣ же справедливость? Такъ хочетъ общество, таковы общественныя условія?. . . Но въ

правѣ ли высказывать условія то общество, гдѣ еще не выработалось понятіе ни о правѣ слабаго, ни о справедливомъ возмездіи? То общество, въ которомъ жизнь каждаго можетъ зависѣть отъ какого нибудь бреттера,—я говорю не о васъ, но вообще. И что же? онъ оскорбитъ меня, и я долженъ выходить съ нимъ на дуэль, а иначе общественное мнѣніе назоветъ меня безчестнымъ человѣкомъ? Помилуйте! да это просто нелѣпо!

ЛАВИНСКІЙ.

Вы одни его не передѣлаете!

ВЕРТЯЕВЪ.

Не передѣлаю, но и не покорюсь ему.

ЛАВИНСКІЙ.

Чего же вы наконецъ хотите?

ВЕРТЯЕВЪ.

Я хочу вамъ доказать, что не буду съ вами стрѣляться изъ одного желанія угодить общественнымъ условіямъ; а другой причины у насъ быть не можетъ. Я особенно не принимаю вашего предложенія теперь, когда ни въ чемъ не виноватъ передъ вами . . . Возьмите это несчастное письмо... Я увѣренъ, что, прочтя его, вы раскаетесь въ сво-

ихъ словахъ . . . *(даетъ ему письмо)* Да! вы напрасно обвинили меня, Петръ Андреичъ! Я не нахалъ и не наглецъ, какъ вы изволили сказать въ пылу вашего гнѣва, потому что мнѣ дороги убѣжденія каждаго. Я не говорилъ и не буду говорить дерзостей, потому что онѣ мараютъ только того, кто ихъ говоритъ. Я не каратель недостатковъ другихъ, потому что сознаю въ себѣ много недостатковъ. Я не шарлатанъ и не гаеръ, потому что не ломаюсь нарочно предъ публикою, а говорю, то, что думаю,отъ искренняго сердца, и всегда буду стоять за правду, предъ кѣмъ бы то ни было . . . Наконецъ я не завлекалъ неопытной дѣвушки, потому что считаю это безчестнымъ. . . Видно, вы еще мало привыкли цѣнить людей, Петръ Андреевичъ, когда думали, что я могу поступать такимъ недостойнымъ образомъ! . . Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать,—и теперь прощаюсь съ вами, оставляя васъ наединѣ съ вашею совѣстью!..

ЛАВИНСКІЙ *(быстро читаетъ письмо)*.

Но Наденька! Наденька! . . Да! это такъ . . . Она проситъ отсрочить свадьбу на нѣсколько мѣсяцевъ . . . Что за причина? *(Вертяеву)*. Кто поручится мнѣ, что все это правда?

ВЕРТЯЕВЪ.

Мой отъѣздъ . . Я уѣзжаю сегодня и думаю, что

никогда больше не встрѣчусь съ вами. Послѣ этого, вы можете мнѣ повѣрить...

ЛАВИНСКІЙ.

И ты ее больше не увидишь?

ВЕРТЯЕВЪ.

Я вчера сказалъ ей о моемъ намѣреніи. Мнѣ больше нечего у нихъ дѣлать . . .

ЛАВИНСКІЙ.

Ты меня не обманываешь?

ВЕРТЯЕВЪ.

Посмотри на меня.

ЛАВИНСКІЙ.

Но какъ же согласить все это съ тѣмъ, что я видѣлъ? Отчего такой внезапный отъѣздъ? отчего ты самъ все это время былъ такъ встревоженъ, такъ разстроенъ? чѣмъ это объяснить?

ВЕРТЯЕВЪ *(подходя къ нему)*.

Ты хочешь это знать?

ЛАВИНСКІЙ.

Да.

ВЕРТЯЕВЪ.

Ты хочешь знать, отчего я уѣзжаю, отчего я такъ встревоженъ?

ЛАВИНСКІЙ.

Да.

ВЕРТЯЕВЪ.

Оттого, что я ее люблю! Вотъ отчего я уѣзжаю.

ЛАВИНСКІЙ.

Любишь!

ВЕРТЯЕВЪ.

Я самъ этого не зналъ до вчерашняго дня, ручаюсь тебѣ честью. Ручаюсь тебѣ честью, что ни слова не сказалъ ей о моей любви... И мнѣ ей сказать! Никогда, никогда!..Я бы умеръ отъ стыда... Она этого никогда не узнаетъ...Чтожъ ты не смѣешься надо мной? Смѣйся! Не правда ли, я смѣшонъ и жалокъ? Я, по твоему, дрянь, тряпка! Да, я люблю ее! и люблю такъ, какъ ты никогда не будешь любить!

ЛАВИНСКІЙ.

Вертяевъ!

ВЕРТЯЕВЪ.

А! ты хотѣлъ знать, отчего я уѣзжаю? Ты далъ ей понять, что я могу когда нибудь ее полюбить! Я, Вертяевъ! чернорабочій, циникъ, шарлатанъ и гаеръ! Довольно ты меня мучилъ распросами и подозрѣніями! Понимаешь ли ты, что я переношу въ эту минуту! понимаешь ли ты, что я вижу счастье,

которое другому достанется легко, а меня даже не коснется! Понимаешь ли ты, что я весь разбитъ, уничтоженъ, изломанъ! что вся моя прежняя жизнь рухнула и я долженъ снова начинать жить!...А онъ еще спрашиваетъ, зачѣмъ я ѣду!..Дай Богъ, тебѣ никогда не испытать такого перелома, такой борьбы съ самимъ собою!..Ну что же, доволенъ ты?

ЛАВИНСКІЙ *(обнимая его).*

Прости меня!

ВЕРТЯЕВЪ.

За что? ты имѣлъ право...Все было противъ меня. Дай мнѣ руку и простимся. Богъ дастъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, я вернусь къ тебѣ прежнимъ Вертяевымъ! *(звонокъ).*

ЛАВИНСКІЙ.

Боже мой! кажется, кто то пришелъ. Это Бродко. Я и забылъ о немъ...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже, **БРОДКО.**

БРОДКО.

Я не опоздалъ, Петръ Андреичъ?.. *(Увидѣвъ Вертяева)* Кого я вижу! господинъ Вертяевъ!

ЛАВИНСКІЙ.

Я только что просилъ извиненія у Ивана Михайловича...

БРОДКО (*улыбаясь*).

И господинъ Вертяевъ, вѣроятно, принялъ его?

ЛАВИНСКІЙ.

Иванъ Михайловичъ былъ такъ добръ, что простилъ мнѣ мой необдуманный поступокъ. Мнѣ остается только поблагодарить васъ, Борисъ Антонычъ, за ваше услужливое предложеніе и, въ свою очередь, извиниться передъ вами въ томъ, что я васъ напрасно потревожилъ.

БРОДКО.

Помилуйте, что за извиненія! Я очень радъ, что дѣло окончилось такъ миролюбиво. Впрочемъ оно и не могло окончиться другимъ образомъ....

ЛАВИНСКІЙ.

Вы думаете?

БРОДКО.

Да, я вообще довольно удачно отгадываю и, видно, на этотъ разъ не ошибся.

ЛАВИНСКІЙ.

А можно спросить, на чемъ вы основывали ваши предположенія?

ВЕРТЯЕВЪ *(тихо Лавинскому).*

Оставь его. Развѣ ты не видишь, что это змѣя!

ЛАВИНСКІЙ *(также).*

Я хочу наконецъ съ нимъ покончить.

БРОДКО.

На томъ, что какъ въ васъ, такъ и въ господинѣ Вертяевѣ, соединены самыя рѣдкія качества.

ЛАВИНСКІЙ.

Какія?

БРОДКО.

Забвеніе и терпѣніе. Это совершенно по рыцарски! Одинъ великодушнѣе другаго, а другой великодушнѣе одного!

ЛАВИНСКІЙ.

Мнѣ очень пріятно, что вы это замѣтили; только удержитесь отъ дальнѣйшихъ заключеній: они совершенно излишни! Теперь позвольте обратиться собственно къ вамъ. Вы осмѣлились вчера выразить дикія и неумѣстныя подозрѣнія насчетъ моей невѣсты...

БРОДКО *(равнодушно).*

Которыя вы раздѣляли...

ЛАВИНСКІЙ.

Я былъ виноватъ и сознаюсь въ томъ. Но вы бы-

ли причиною... Поэтому, не желая услышать когда нибудь повторение подобной клеветы, я васъ покорнѣйше прошу прекратить ваши посѣщенія въ семействѣ Мартовыхъ.

БРОДКО.

Вотъ какъ! И по какому праву вы этого требуете?

ЛАВИНСКІЙ.

По праву жениха. Надѣюсь, что этого довольно?

БРОДКО.

Нѣтъ, не довольно. Отказать отъ своего дома можетъ только одна Лизавета Осиповна, а до прочихъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла.

ЛАВИНСКІЙ.

И вы думаете, что я позволю быть у ней въ домѣ такимъ мерзавцамъ, какъ вы!

БРОДКО.

Милостивый государь!

ЛАВИНСКІЙ.

Я вамъ сказалъ, что раздавлю васъ какъ гадину! берегитесь!

БРОДКО.

Вы хотите также дешево отдѣлаться отъ меня, какъ отъ господина Вертяева? Это вамъ не такъ легко удастся!

ВЕРТЯЕВЪ.

Господинъ Бродко, развѣ вы не видите, что ваше присутствіе раздражаетъ Петра Андреича? Неужели вы не понимаете...

БРОДКО.

Прошу васъ не мѣшаться не въ свое дѣло!.. Г. Лавинскій, видно, привыкъ безнаказанно употреблять различные эпитеты, но это ему даромъ не пройдетъ... Вы думаете, что всегда будете имѣть дѣло съ какими нибудь Вертяевыми...

ЛАВИНСКІЙ *(задыхаясь).*

Если вы не самый низкій человѣкъ, то должны принять мое предложеніе! Я просилъ извиненія у Вертяева, потому что былъ виноватъ передъ нимъ, потому что люблю и уважаю его. Но съ вами надо покончить разомъ... Вы сами на это вызвались! Г. Бродко, я только что отказался отъ одной дуэли, но теперь не откажусь отъ другой. Вы должны со мной стрѣляться!

ВЕРТЯЕВЪ.

Петя!

ЛАВИНСКІЙ.

Нѣтъ! довольно я терпѣлъ!..

БРОДКО.

Этого только мнѣ и нужно! Вы хотите со мной стрѣляться? извольте.

ЛАВИНСКІЙ.

Да! теперь же, сейчасъ, не медля ни минуты! Берите секунданта. Я буду васъ ждать у выборгской заставы... Я думаю, что вамъ здѣсь больше нечего дѣлать!

БРОДКО.

Вы угадали. Съ кѣмъ бы вы ни дрались, мнѣ все равно! Я васъ ненавижу. Вы стоите на моей дорогѣ. Надѣюсь, что хоть на этотъ разъ дуэль ваша состоится! *(уходитъ).*

ЛАВИНСКІЙ *(въ слѣдъ ему).*

Поторопитесь! я васъ ждать не намѣренъ!..

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, кромѣ **БРОДКО**, потомъ **НАДЕНЬКА.**

ВЕРТЯЕВЪ.

Петя! что ты дѣлаешь! опомнись!

ЛАВИНСКІЙ.

Оставь меня! мнѣ жить тяжело!..

ВЕРТЯЕВЪ.

Развѣ ты не видишь, что онъ только этого и хотѣлъ? Онъ убьетъ тебя! ты не умѣешь даже стрѣлять!

ЛАВИНСКІЙ.

Тѣмъ лучше! Прощай, Вертяевъ!.. *(останавливается, глядя на него)*. Впрочемъ постой... Я долженъ написать еще нѣсколько строкъ *(быстро подходитъ къ письменному столу и пишетъ. Наденька раскрываетъ дверь изъ гостиной, входитъ на сцену и прислушивается)*.

НАДЕНЬКА.

Что я слышала! онъ меня любитъ!... Лавинскій идетъ на дуэль съ Бродко!.. Господи, не во снѣ ли я?...

ЛАВИНСКІЙ *(окончивъ письмо и не видя Наденьки)*. Возьми, Вертяевъ... Если меня не будетъ, отдай это письмо... ты самъ увидишь кому. Остальныя распоряженія сдѣланы. Ты все найдешь въ письменномъ столѣ. Прощай! Мнѣ пора... *(идетъ къ дверямъ и встрѣчается съ Наденькой)* Наденька! Боже мой!...

ВЕРТЯЕВЪ *(пораженный)*.

Она! неужели она слышала!

НАДЕНЬКА.

Петръ Андреичъ, куда вы идете?

ЛАВИНСКІЙ.

Не спрашивайте меня, Наденька, ради Бога! не отнимайте у меня рѣшимости...

НАДЕНЬКА.

Я знаю... Я все слышала за дверью... Я васъ не пущу. Иванъ Михайловичъ, помогите мнѣ!.. Иванъ Михайловичъ!

ВЕРТЯЕВЪ.

Все напрасно! *(закрываетъ лицо руками).*

ЛАВИНСКІЙ.

Наденька! умоляю васъ! не бойтесь... Это не можетъ кончиться ничѣмъ серьозньмъ... Но я долженъ идти... Не удерживайте меня!..

НАДЕНЬКА *(заслоняя собою дверь).*

Остановитесь!... я вамъ не позволю!.. Пожалѣйте наконецъ меня! Вы хотите, чтобъ я вѣчно себя упрекала!... Я не хочу быть виновницей вашей смерти... Моя совѣсть не дастъ мнѣ покоя!...

ЛАВИНСКІЙ *(горько улыбаясь).*

Да! вамъ жаль не меня, а... самихъ себя! Я васъ хорошо понимаю!... Нѣтъ, мнѣ все равно! Вы не много потеряете, если я буду убитъ!

НАДЕНЬКА.

Подумайте о вашей матери!

ЛАВИНСКІЙ.

Не напоминайте мнѣ о ней! Вы безжалостны!... Пустите меня, говорю вамъ!... *(вырывается и убѣгаетъ).*

НАДЕНЬКА *(шатаясь и опираясь на кресло).*

А!... Спасите его!...

ВЕРТЯЕВЪ.

Я его не оставлю!... *(бросается въ слѣдъ за нимъ).*

(Конецъ четвертаго дѣйствія).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Окрестности Гейдельберга. Вдали виденъ городъ. Справа домъ, гдѣ живутъ Мартовы. Слѣва бесѣдка, обвитая зеленью. Свѣтлое утро.

ЯВЛЕНІЕ I.

НАДЕНЬКА, АННА ОСИПОВНА *(возвращаются съ прогулки).*

НАДЕНЬКА *(съ букетомъ цвѣтовъ).*

Что же сказалъ докторъ?

АННА ОСИПОВНА.

Что всякая опасность прошла. Бѣдная сестра! предчувствія ея сбылись... Я долго не вѣрила ея

нездоровью, но наконецъ надо было поневолѣ повѣрить. Ты помнишь, сколько она вытерпѣла прошлою осенью! Ея нервы совсѣмъ разстроились... Хорошо еще, что въ Италіи она немножко поправилась и имѣла довольно силы, чтобъ пріѣхать сюда... Но, признаюсь, вчера, когда мы пріѣхали, я очень боялась, и только теперь слова доктора меня окончательно успокоили.

НАДЕНЬКА.

А какъ онъ думаетъ, долго намъ придется здѣсь пробыть?

АННА ОСИПОВНА.

Мѣсяца два, по крайней мѣрѣ. Для нея нужнѣе всего спокойствіе.

НАДЕНЬКА.

Тѣмъ лучше. Я люблю жить въ скромномъ нѣмецкомъ городкѣ. Здѣсь какъ то дышется легко и привольно... Мы пріѣхали только вчера, а я точно сроднилась съ нимъ.

АННА ОСИПОВНА.

Да и тебѣ не мѣшаетъ отдохнуть.

НАДЕНЬКА.

Нѣтъ, мнѣ не надо... *(смотритъ на букетъ и задумывается).*

АННА ОСИПОВНА.

Тебѣ опять взгрустнулось!.. Наденька! ангелъ мой, перестань скучать и печалиться.... Что же дѣлать! горю нечѣмъ пособить, надо покориться...

НАДЕНЬКА.

Эти цвѣты... Я нечаянно вспомнила о прошломъ... Посмотрите, здѣсь маргаритки... Такія же маргаритки, какъ и тѣ, которыхъ просилъ у меня на память бѣдный Лавинскій...

АННА ОСИПОВНА.

Наденька!

НАДЕНЬКА.

Помните, тетушка, этотъ несчастный вечеръ?... О, я никогда его не забуду!.. Потомъ, на другой день... это было въ двѣнадцать часовъ... Я сидѣла у чайнаго стола и не помнила, что со мною... Маменька приготовлялась къ отъѣзду, суетилась и хлопотала... Вдругъ дверь отворилась и намъ сказали, что Лавинскій убитъ! Вы перекрестились и заплакали, съ маменькой сдѣлалось дурно... а я, я не могла ни плакать, ни молиться! Это слово: убитъ! обдало меня могильнымъ холодомъ, я вся замерла, въ головѣ все спуталось и смѣшалось, какой то глухой ударъ прозвучалъ въ ушахъ—и только! ни мысли, ни сознанія, ни жалости, ни отчаянія...

Два мѣсяца я пролежала въ горячкѣ... Потомъ мы уѣхали за границу...

АННА ОСИПОВНА.

А знаешь, кто, мнѣ кажется, былъ настоящею причиною смерти Лавинскаго?

НАДЕНЬКА.

Разумѣется, Бродко...

АННА ОСИПОВНА.

Нѣтъ, не Бродко.

НАДЕНЬКА (*смутившись*).

Кто же?

АННА ОСИПОВНА.

Ты знаешь очень хорошо... Кто причинилъ намъ столько горя и слезъ, какъ не Вертяевъ!

НАДЕНЬКА.

Нѣтъ, тетушка, я не могу его обвинять! Все равно, не онъ, такъ другой могъ бы служить орудіемъ мести и интриги. Всему виною была слабость характера Лавинскаго.

АННА ОСИПОВНА.

Что объ этомъ говорить!.. Вотъ опять ты пригорюнилась. . . И разсѣяться ничѣмъ не хочешь! Хоть бы Лушинъ поскорѣй пришелъ!

НАДЕНЬКА.

Онъ обѣщался идти съ нами сегодня осматривать городъ. Я думаю, скоро придетъ.

АННА ОСИПОВНА.

А я пока пойду посмотрю, что дѣлаетъ сестра. Докторъ не велѣлъ ей выходитъ изъ дома нѣсколько дней. Пойдемъ, Наденька, она ужъ, навѣрное, проснулась.

НАДЕНЬКА.

Я за вами, тетушка. Только подышу чистымъ воздухомъ, полюбуюсь на видъ. . .

АННА ОСИПОВНА.

Ну, какъ хочешь! смотри, недолго оставайся. . . да, главное, не задумывайся... *(въ сторону)* Бѣда мнѣ съ нею! и понять ее не могу! . . *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

НАДЕНЬКА.

До сихъ поръ не могу увѣриться, что это не сонъ! И какъ все скоро прошло, какъ неожиданно развязалось! . . Да! страшная развязка, тяжелый сонъ! Вотъ человѣкъ жилъ, надѣялся, любилъ, готовился быть счастливымъ, будущее ему улыбалось, вдали неслись свѣтлые призраки. . . и, вдругъ, въ одинъ день, все кончено! . . И жизнь прошла, какъ сонъ!

и о немъ только воспоминаніе! . . Умеръ! убитъ! Я еще не могу привыкнуть къ этимъ словамъ. . . Нѣтъ, такимъ людямъ наша жизнь не годится, да и они съ ней не уживаются. *(Задумывается)* Можетъ быть, онъ встрѣтилъ бы огорченія, съ которыми бы не совладала его чистая, свѣтлая душа. . . И отчего, когда я подумаю о немъ, въ душѣ моей является другой образъ, сильный, могучій, полный жизни и дѣятельности? Отчего, когда я вспомню рѣчи о любви и счастьи, какой то тайный голосъ нашептываетъ мнѣ другія слова о долгѣ и трудѣ. .. и вся душа моя рвется на встрѣчу этимъ чуднымъ словамъ, и проникается святымъ огнемъ, и радуется, что понимаетъ и сознаетъ ихъ. . . И прежній образъ становится блѣднѣе и блѣднѣе и даетъ мѣсто вселюбящему, полному, безграничному сочувствію! . . Вертяевъ! гдѣ онъ теперь? куда кинула его судьба? . . вспоминаетъ ли онъ когда нибудь о прежнемъ? . . Нѣтъ, гдѣ ему помнить! Развѣ такіе люди думаютъ о чемъ нибудь другомъ, кромѣ труда? . .

ЯВЛЕНІЕ III.

НАДЕНЬКА, ЛУШИНЪ.

ЛУШИНЪ.

Доброе утро, Надежда Николавна! Хорошо ли вы помѣстились?

НАДЕНЬКА.

Какъ нельзя лучше. Маменька вамъ очень благодарна. . .

ЛУШИНЪ.

А мнѣ въ городѣ досталась прескверная комната. За то всѣ величаютъ меня графомъ. . . Вотъ странные люди! можетъ быть, находятъ, что во мнѣ дѣйствительно есть что то графское. . .

НАДЕНЬКА (*улыбаясь*).

Очень можетъ быть. . . А знаете, что мы здѣсь останемся на цѣлые два мѣсяца, если не больше. . .

ЛУШИНЪ.

Вотъ какъ! ну чтоже, и прекрасно! . . Я самъ располагалъ здѣсь остаться; надо въ университетѣ лекціи послушать. Признаюсь, съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ неожиданное наслѣдство отъ покойной тетки, — и Богъ знаетъ, почему она вспомнила обо мнѣ, за то вспомнила очень кстати, — я немножко упустилъ изъ вида науку. . . Надо приняться за дѣло! А тамъ осенью въ Парижъ! . . Парижъ! не чувствуете ли вы, Надежда Николавна, что въ этомъ словѣ есть что то магическое?

НАДЕНЬКА.

Нѣтъ, не чувствую. . . Отчего же вы теперь туда не ѣдете?

ЛУШИНЪ.

А занятія? . . О, я ими никогда не пожертвую для удовольствія! Между прочимъ, я спѣшилъ къ вамъ разсказать двѣ новости.

НАДЕНЬКА.

Какія?

ЛУШИНЪ.

Во первыхъ, я получилъ письмо. . . отъ Бродко. И, знаете, откуда? . . Съ Кавказа. Онъ тамъ, и, разумѣется, не по своей охотѣ. . . Хотите, я вамъ прочту?

НАДЕНЬКА.

Нѣтъ, Лушинъ, Богъ съ нимъ! не напоминайте мнѣ о немъ. . . Я хотѣла васъ объ этомъ попросить. . .

ЛУШИНЪ.

Очень хорошо съ.

НАДЕНЬКА *(разсѣянно)*.

Какая же вторая новость? вы, кажется, говорили. . .

ЛУШИНЪ.

Да. . . Вчера, только что я пріѣхалъ, иду по улицѣ и вдругъ сталкиваюсь лицомъ къ лицу съ. . . кѣмъ бы вы думали?

НАДЕНЬКА.

Право, не знаю.

ЛУШИНЪ.

Нѣтъ, отгадайте. . . съ однимъ изъ нашихъ общихъ знакомыхъ.

НАДЕНЬКА.

Съ кѣмъ же? съ Горленко? . .

ЛУШИНЪ.

Съ Вертяевымъ! Кто бы могъ это подумать!

НАДЕНЬКА.

Какъ? . .

ЛУШИНЪ.

Да, и такой чудакъ! . . торопился на лекцію и на силу два слова проговорилъ. . . Все такой же! Впрочемъ онъ обѣщался сегодня повидаться со мною, хотѣлъ придти сюда, я нарочно назначилъ ему это мѣсто, думая, что вамъ будетъ пріятно его увидѣть. . . Все таки знакомый человѣкъ, новости разскажетъ. . . Онъ и не знаетъ, что вы здѣсь; я не успѣлъ сказать ему. . .

НАДЕНЬКА *(въ сторону)*.

Боже мой! сердце такъ и замерло! . . Онъ сейчасъ придетъ, я его увижу! . . Но я боюсь, что не съумѣю совладать съ собой. . . мое волненіе мо-

жетъ меня выдать... *(Лушину)* Когда онъ придетъ сюда, задержите его и дайте мнѣ знать... Я хочу его удивить... Что то онъ скажетъ!.. А теперь пойду домой и буду васъ ждать... Слышите, Лушинъ, не проговоритесь же!..

ЛУШИНЪ.

Не безпокойтесь... Буду нѣмъ, какъ рыба. Только, знаете, если вы хотите сдѣлать ему сюрпризъ, идите лучше теперь... а то онъ можетъ васъ застать. Да вотъ, кажется, кто то идетъ... не онъ ли?

НАДЕНЬКА.

Иду, иду... Такъ задержите же его, слышите? непремѣнно...

ЛУШИНЪ.

Да, да... Ужъ я знаю, какъ сдѣлать!.. *(Наденька уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЛУШИНЪ.

Какъ она взволнована! Впрочемъ это понятно... Я самъ былъ взволнованъ, когда встрѣтилъ ихъ въ Римѣ, и слова даже не могъ сказать... Это однако не хорошо. Я еще долженъ учиться управлять собой. Матеріялистъ долженъ быть стоикомъ и индефферентистомъ... Да. А вотъ и онъ!..

ЯВЛЕНІЕ V.

ЛУШИНЪ, ВЕРТЯЕВЪ.

ЛУШИНЪ.

Иди же скорѣй! . . Точно и не понимаетъ, что я жду не дождусь его! Ну, садись, садись, старый дружище! *(Беретъ его за руки и усаживается съ нимъ рядомъ подлѣ бесѣдки).* Все работаешь по прежнему?

ВЕРТЯЕВЪ.

Ничего, дѣло идетъ. А ты какъ сюда попалъ?

ЛУШИНЪ.

Учиться, братъ, хочу. Ты мнѣ помоги. . .

ВЕРТЯЕВЪ.

Чѣмъ же я могу помочь тебѣ?

ЛУШИНЪ.

Ну введи, такъ сказать, въ эту колею науки . . . познакомь съ профессорами . . . ты, я думаю, ихъ всѣхъ знаешь . . . Сколько времени здѣсь живешь?

ВЕРТЯЕВЪ.

Полгода.

ЛУШИНЪ.

А вѣдь здѣсь славно ? . . Товарищество, я думаю, какое? Этотъ жаръ къ наукѣ? стремленіе къ развитію? Знаменитости какія ? . . не такъ ли?

ВЕРТЯЕВЪ.

Да.

ЛУШИНЪ.

Человѣкъ, я думаю, обновляется . . . чувствуетъ, что онъ царь природы . . . чувствуетъ эдакое возвеличеніе души? Весь городъ дышетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, ученостью . . . Преданія старины, рыцарскіе замки, феодальная эпоха, ленная система? Хорошенькія профессорши, нѣмочки сентиментальныя, Шиллеръ и Гёте ? . . а ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Не знаю.

ЛУШИНЪ.

Да что ты какой! слова не добьешься ! . . Ты мнѣ скажи хорошенько, вразуми, наставь . . .

ВЕРТЯЕВЪ.

Да что тебя вразумлять! ты здѣсь и недѣли не проживешь . . . Вотъ и все.

ЛУШИНЪ.

Будто?

ВЕРТЯЕВЪ.

Это вѣрно . . . Ты поѣзжай лучше въ Парижъ. Тамъ привольнѣе. Къ тому же, я тебѣ не много пользы принесу, потому что завтра же отсюда ѣду.

ЛУШИНЪ.

Куда?

ВЕРТЯЕВЪ.

Въ Лейпцигъ; пробуду тамъ мѣсяца два, а оттуда домой.

ЛУШИНЪ.

Развѣ ужъ ты все кончилъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Нѣтъ. Тянетъ въ Россію. Пора домой. Люди хорошіе, учиться весело, работа идетъ живо, а все таки пора. Здѣсь маяться не слѣдъ, когда тамъ нуженъ . . . Я русской человѣкъ . . . Ты этого не поймешь.

ЛУШИНЪ.

Какъ не понять! я такой же патріотъ, какъ и ты. Жаль только, что такъ скоро ѣдешь! Впрочемъ подожди, тебя уговоритъ . . .

ВЕРТЯЕВЪ.

Кто?

ЛУШИНЪ *(въ сторону).*

Языкъ мой—врагъ мой. *(Громко)* Твое собственное желаніе.

ВЕРТЯЕВЪ.

Нѣтъ, это ужъ рѣшено. *(Подумавъ)* Послушай . . . ты давно изъ Петербурга?

ЛУШИНЪ.

Шестой мѣсяцъ.

ВЕРТЯЕВЪ.

Извѣстія получаешь?

ЛУШИНЪ.

Какъ же! не только изъ Петербурга, съ Кавказа недавно получилъ, братецъ, письмо отъ Бродко . . .

ВЕРТЯЕВЪ.

А! . . Я такъ и думалъ. Ну, а скажи . . . Видишь ли, въ чемъ дѣло. Я уѣхалъ изъ Петербурга черезъ недѣлю послѣ смерти Лавинскаго, и ничего не знаю, что сдѣлалось съ Мартовыми. Я слышалъ только, что Надежда Николавна была очень больна,—больше ничего. Что она.... поправилась?

ЛУШИНЪ.

Какъ же!

ВЕРТЯЕВЪ.

Ты ихъ видѣлъ?

ЛУШИНЪ.

Вотъ чудакъ! да я съ ними вмѣстѣ... *(останавливается).*

ВЕРТЯЕВЪ.

Что?

ЛУШИНЪ.

Я съ ними вмѣстѣ по Италіи ѣздилъ. Вотъ Лизавета Осиповна, такъ та дѣйствительно нездорова, а Наденька слава Богу.

ВЕРТЯЕВЪ.

Гдѣ онѣ теперь?

ЛУШИНЪ *(смѣясь)*.

Гдѣ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Я тебя спрашиваю.

ЛУШИНЪ.

Отчего это тебя такъ интересуетъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Оттого, что я долженъ исполнить одно порученіе... Я не могъ сдѣлать этого прежде, потому что не зналъ, гдѣ онѣ находились. Говори же!...

ЛУШИНЪ.

Вотъ что я тебѣ скажу: ты подожди меня здѣсь, а я пойду въ этотъ домикъ,—видишь, на право, узнаю хорошенько ихъ адресъ и скажу тебѣ. Понимаешь? Жди меня здѣсь и не трогайся съ мѣста. До свиданья. Тебѣ не придется долго ждать! *(убѣгаетъ въ домъ Мартовыхъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВЕРТЯЕВЪ.

Что это значитъ? куда онъ ушелъ?.... Что онъ хотѣлъ сказать? Впрочемъ не все ли мнѣ равно! По крайней мѣрѣ, теперь я положительно узнаю, гдѣ Наденька, и отдамъ ей письмо, которое вручилъ мнѣ Лавинскій передъ смертью... Но какъ доставить ей? переслать, или самому отвести? Нѣтъ, къ чему мнѣ опять ее видѣть! Ей будетъ тяжело мое присутствіе, оно напомнитъ прежнее... Но какъ бы я хотѣлъ ее увидѣть! хоть бы мелькомъ, издали, на одну секунду,—чтобъ она меня и не замѣтила... Останьтесь!... я не могу забыть... Сумасшедшій! къ чему растравлять себя воспоминаніемъ!... развѣ она могла когда нибудь полюбить меня! *(Садится на скамейкѣ противъ дома Мартовыхъ. Дверь отворяется)* Господи! *(встаетъ и опирается на скамейку).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВЕРТЯЕВЪ, НАДЕНЬКА *(медленно приближается).*

ВЕРТЯЕВЪ *(бросается къ ней).*

Наден.... Надежда Николавна!

НАДЕНЬКА *(улыбаясь).*

Давно мы съ вами не видались, Иванъ Михайловичъ!

ВЕРТЯЕВЪ *(беретъ ее за объ руки).*

Скажите, здоровы ли вы?... Я слышалъ, вы были больны... счастливы ли?

НАДЕНЬКА *(глядя на него).*

Теперь все прошло. Я счастлива!

ВЕРТЯЕВЪ *(приходя въ себя).*

Но какъ же Лушинъ ничего не сказалъ...Вы знали, что встрѣтите меня?

НАДЕНЬКА.

Знала, и нарочно просила его ничего не говорить.... Я хотѣла васъ обрадовать, если только могла обрадовать...

ВЕРТЯЕВЪ.

И вы еще спрашиваете!

НАДЕНЬКА.

Лушинъ мнѣ сказалъ, что у васъ есть какое то порученіе... къ кому оно? ко мнѣ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Къ вамъ *(даетъ ей письмо).* Возьмите это письмо... Оно отъ того, кого теперь ужъ нѣтъ... отъ бѣднаго Лавинскаго.... Онъ поручилъ мнѣ передать его вамъ....

НАДЕНЬКА *(быстро читаетъ письмо, потомъ цѣлуетъ его и краснѣетъ)*. Добрый Лавинскій!.. Онъ и передъ смертью заботился о моемъ счастіи... Онъ угадалъ меня! О, какъ я ему благодарна! Здѣсь прощеніе моей невольной вины, здѣсь его загробный совѣтъ... *(Оборачивается медленно къ Вертяеву)* Иванъ Михайловичъ, вы все помните?

ВЕРТЯЕВЪ *(въ смущеніи)*.

Кажется, все...

НАДЕНЬКА.

Вы помните, какъ неожиданно встрѣтили меня у Лавинскаго, когда я пришла умолять его о прекращеніи вашей ссоры?...

ВЕРТЯЕВЪ.

Помню.

НАДЕНЬКА.

Когда вы пришли, я убѣжала въ гостиную и... *(останавливается)*.

ВЕРТЯЕВЪ *(глухимъ голосомъ)*.

Доканчивайте.

НАДЕНЬКА.

И слышала все.

ВЕРТЯЕВЪ.

Все?

НАДЕНЬКА.

Все.

ВЕРТЯЕВЪ.

Чтожъ мнѣ вамъ говорить, Надежда Николавна! Вы видите, какой я несчастный... Мнѣ стыдно, и больно, и тяжело!...

НАДЕНЬКА.

Вамъ стыдно и больно, говорите вы?... Отчего же вамъ стыдно?

ВЕРТЯЕВЪ.

Какъ низко я долженъ упасть въ вашихъ глазахъ!

НАДЕНЬКА *(рѣшительно).*

Нѣтъ, Иванъ Михайловичъ, вы стали еще выше!

ВЕРТЯЕВЪ.

Пощадите меня!..

НАДЕНЬКА.

Скажите мнѣ только одно: вы знали что въ этомъ письмѣ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Какъ могъ я это знать?

НАДЕНЬКА *(даетъ ему письмо).*

Такъ прочтите—вотъ что писалъ мнѣ Лавинскій...

ВЕРТЯЕВЪ *(читаетъ).*

«Когда вы получите это письмо, меня не будетъ «на свѣтѣ... Предъ смертью все людское прохо-

«дитъ. Вы можете вѣрить моимъ словамъ: я часто «ошибался, но теперь не ошибусь. Примите мой «послѣднiй совѣтъ: будьте женой Вертяева. Онъ «этого стоитъ». Надежда Николавна! чтожъ это такое?..: Господи!..

НАДЕНЬКА.

Вы молчите?

ВЕРТЯЕВЪ.

Я...не понимаю! За что же?..за что такое счастiе? Но... какъ же я, простой, бѣдный... Развѣ меня можно... Наденька! *(схватываетъ ея руку)* И неужли это все правда?.. все правда?

НАДЕНЬКА.

Правда.

ВЕРТЯЕВЪ.

Вамъ быть моей женой?.. Развѣ это можно? Что же скажутъ?.. Это жертва... Всѣ возстанутъ....

НАДЕНЬКА.

Что мнѣ другiе! кто возстанетъ? что мнѣ за дѣло!.. Я сама куплю свое счастiе, а въ счастьи обо всемъ забудешь...

ВЕРТЯЕВЪ.

Вы купите свое счастiе!.. Подумайте, чѣмъ вы его купите и какое счастiе!.. *(задумавшись, медленно)* Благодарю васъ! вы меня утѣшили... Вы меня,

бѣдняка, нищаго, надѣлили такимъ сокровищемъ, о какомъ я никогда не думалъ!.. Я не имѣлъ права о немъ думать... И свято сохраню я его въ груди своей, какъ свою завѣтную святыню!.. Но теперь выслушайте меня и поймите... О, вы поймете!.. Я знаю васъ... вы меня не осудите. Знаете ли, какую жертву теперь приношу я? Знаете ли вы, до какой степени я люблю васъ? Знаете, чѣмъ я больше всего докажу свою любовь?...

НАДЕНЬКА.

Чѣмъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Тѣмъ, что я на васъ не женюсь.

НАДЕНЬКА.

Что вы сказали?

ВЕРТЯЕВЪ.

Что я такое? простой рабочій, труженикъ, у котораго есть силы, есть способность...и больше ничего. Вы не войдете въ мою сферу, Наденька! вы задохнетесь въ ней отъ суровой жизни!..Вы не такъ воспитаны, вы привыкли къ иному образу жизни!..Что вы будете дѣлать? Съ утра до поздней ночи, вашъ мужъ будетъ работать,—работать не изъ за денегъ—нѣтъ! но потому что безъ работы онъ умретъ, какъ рыба уснетъ безъ воды...Да и

что я буду, если не стану трудиться! А вы?..Цѣлый день одна, перенесенная въ чуждый вамъ міръ...И вотъ настанетъ минута, когда незамѣтно подкрадется вамъ въ душу сожалѣніе!...Сожалѣніе! Есть ли что нибудь ужаснѣе!..А тогда все кончено, все пропало! Нѣтъ, Наденька! эта жертва вамъ не по силамъ!..

НАДЕНЬКА.

Иванъ Михайловичъ!

ВЕРТЯЕВЪ.

Я смотрю впередъ, Надежда Николавна, и говорю правду!..Сердце мое спокойнѣе, въ головѣ свѣтлѣе...Я чувствую, что это такъ, что такъ именно должно поступать...

НАДЕНЬКА.

Что же мнѣ останется?

ВЕРТЯЕВЪ.

Сознаніе!..Сознаніе, что вы дали мнѣ счастіе, котораго ничто не можетъ сломить!..Вы обновили меня, освѣтили, вдохнули мнѣ новую душу!..Развѣ этого мало? Вы заставили меня испытать въ жизни то, чего я никогда не испыталъ, чувство...святое, неугасаемое, вѣчно молодое, радостное чувство!.. Вы заставили меня жить и полюбить жизнь!..Я васъ благословляю.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже, **АННА ОСИПОВНА**, **ЛУШИНЪ**.

НАДЕНЬКА *(бросаясь на встрѣчу къ Аннѣ Осиповнѣ).*

Тетенька, Вертяевъ уѣзжаетъ!..уговорите хоть вы его!..я не знаю, что мнѣ дѣлать!..

АННА ОСИПОВНА.

Иванъ Михайловичъ!

ВЕРТЯЕВЪ.

Покоритесь, Наденька!..Борьба съ каждымъ днемъ будетъ все легче и легче...Разстанемся... Дайте мнѣ руку...ее жметъ рука честнаго человѣка! Теперь то я въ правѣ гордиться и буду гордиться!..Еще одно, послѣднее слово!.. *(Беретъ ее за руку и отводитъ въ сторону).* Когда вы встрѣтите такого человѣка, каковъ я былъ прежде, когда онъ, на вашихъ глазахъ, будетъ отвергать все, ломать всякое чувство, признавать только одинъ разсудокъ, жить однимъ умомъ, уважать одну видимую пользу,—не вѣрьте, Надежда Николавна! Это только слово. Вы смотрите на дѣло! Не вѣрьте ему! онъ лжетъ! Онъ лжетъ противъ самого себя, неумышленно, невольно, съ убѣжденіемъ, но...лжетъ! Пусть онъ говоритъ! пусть видитъ одну прозу въ жизни, пусть нѣтъ для него ничего святаго, кромѣ пользы, ничего завѣтнаго, кромѣ опыта... Наста-

нетъ минута, и онъ узнаетъ...узнаетъ навѣрно, что есть въ жизни что то другое, въ чемъ мы невластны, что неотразимо, что влечетъ насъ къ себѣ и побѣждаетъ...Онъ узнаетъ и повѣритъ!..Я говорю это по опыту, и дай Богъ, чтобъ всякій это испыталъ...тогда не будетъ фальшивыхъ убѣжденій! Я пойду теперь по своей тяжелой дорогѣ, но она навсегда будетъ озарена святымъ воспоминаніемъ...А вы, Надежда Николавна, гордитесь и мужайтесь!..Теперь мы разстанемся...Прощайте, дорогая моя!..Прощайте и...забудьте!..

НАДЕНЬКА *(падая въ объятія Анны Осиповны).*

Никогда!

(Вертяевъ медленно удаляется).

Конецъ.

Цѣна 1 руб. сер.

